

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА Галина Михайловна

**«ФАУСТ» И.В. ГЁТЕ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ»**

Специальности: 10.01.01 – Русская литература,
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (немецкая)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Иваново – 2022

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный университет экономики и управления
“НИНХ”»

Официальные оппоненты: **Андреюшкина Татьяна Николаевна**
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры теории и практики перевода ФГАОУ
ВО «Тольяттинский государственный универси-
тет»

Ишимбаева Галина Григорьевна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской, зарубежной ли-
тературы и издательского дела ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»

Куликова Елена Юрьевна
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора литерату-
роведения ФГБУН «Институт филологии Сибир-
ского отделения Российской академии наук»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный уни-
верситет»

Защита состоится 9 июня 2022 года в 12-00 часов на заседании диссертацион-
ного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном университете по ад-
ресу: 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5А, ауд. 506.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке университета и на
сайте ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»:
http://ivanovo.ac.ru/sveden/struct/dissertational_councils/1495/2022.php

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д.Л. Лакербай

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации исследуется место трагедии Гёте «Фауст» (1774–1831) в европейской культурно-исторической общности, хронологически принадлежащей к периоду XIX–XXI вв. Начиная с XVI века, идея «Фауста» пронизывает европейскую культуру. Трагедия «Фауст» связана (в диахронии и синхронии) с историей Европы. Это определяет интерес к произведению с категориальных позиций: культурная среда, культурные модальности (развитие и деградация), смыслообразующие формы культуры. Антропоним «Гёте» и его эмфатическое употребление поддерживают культурное семантическое поле.

Д.Б. Лукач назвал трагедию «поэтической феноменологией духа» и «аббревиатурой человеческого развития»¹. Литературный критик заметил, что в пределах реально-символического толкования Фауст уже не является личностью: на его место встает «фаустовский человек». В трагедии Гёте есть константа и переменная величина: типологические характеристики вроде «фаустовская смерть», «фаустовская» группа искусств, «натура Мефистофеля», понимание свойств личности, мотивов действий.

Н. Ленау, автор драматической поэмы «Фауст», подчеркивал: «Фауст» не стал «монополией Гёте», он «принадлежит человечеству». Каждый имеет право создать своего «Фауста»². Подобные признания являются призывом к действию и верификацией уникальности произведения. Португальский поэт Ф. Пессоа в течение всей жизни работал над сочинением о Фаусте. Поль Валери создал род драматических диалогов или поэтической драмы в прозе «Мой Фауст» (1941). Современный французский автор М. Пети говорил об истории создания «Третьего Фауста». Незавершенность, оборванные тексты становятся свидетельствами избытка субъективной свободы, которая превосходит творения авторов.

«Фауст» Гёте стал одним из гарантов распознавания трагических ошибок истории. Например, цитирование в творчестве П. Целана имеет не только литературную, но юридическую коннотации. Прошлое превращается в этически значимый прецедент, в источник права, в основание для предъявления иска о высшей милости.

Роль структурной доминанты в творчестве Гёте играет идея морфологии. Понятие «морфология» позволяет выявить органический способ художественной интеграции: изучить морфологические закономерности в мире культуры, исследовать жанр как морфологическую категорию, общую для всех искусств, проанализировать общеэстетические принципы разных видов искусства (словесного, музыкального, изобразительного) в содержательной структуре произведения, постичь законы связи между ними.

Проблемой морфологического исследования являются критерии выделения основной структурной единицы. Органический, образно-семантический творческий принцип Гёте называл «внутренней формой». «Эндон-эйдос» (др.-

---

¹ *Lucasc D. Goethe und seine Zeit. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. – S. 182–183.*

² *См.: Brisson E. Faust. Biographie d' un mythe. – Paris: Ellipsis, 2013. – P. 162.*

греч. *εὐδον-εἶδος*) Плотина он перевел как «innere Form», «внутренний закон художественного произведения»: «Внутренняя форма» рассматривалась Гёте в разных аспектах: в качестве структуры универсально-смысловой, исторической, личной. Она интерпретировалась эстетически, психологически, ноэтически-экзистенциально³. Необходимо обратиться к строгой академической парадигме и отметить в гуманитарной науке труды, в которых воплощены исходные концепции поэтической морфологии (А.Н. Веселовский, Дж. Полти, В. Дибелиус и др.). Н. Хоффман анализировал феномены по методу Гёте. Он сделал вывод об актуальности дисциплины, основанной на синтезе естествознания, культурологии, искусствознания. Ученый интегрировал естественно-научный и художественный подходы к постижению мира⁴. «Точная фантазия» поможет в науке выбрать гипотезу, в искусстве – воплотить интуитивную истину.

Для Гёте смысл переходного рубежа имело понятие «В Начале было...» («Im Anfang war...»)⁵. Оно воплощает предельное оформление материала, идеальную сверхличную исчерпанность. Гёте не являлся первооткрывателем подобных семантических связей, но Герцен, толкуя триаду Мысль – Слово – Дело, ссылаясь именно на него. Русский мыслитель подчеркивал смысловую симметрию мира и текста с помощью парного цитирования строк Гёте.

Исследователи «Фауста» принимают порой аналитическую, «разделяющую» точку зрения: и тогда трактовки оказываются зависимыми от смысла отдельных фрагментов текста, абсолютизации разрозненных моментов трагедии. Например, А.А. Мейер, автор одной из лучших монографий о «Фаусте» (1931), доказывал, что центральной является драма сознания, утратившего связь со словом⁶. Д. Борхмайер рассматривал «Фауста» как комедию⁷. Произведение предстает более унифицированным и «целестремленным», чем оно есть.

Смысл «Фауста» не будет сведен к одной идее, если учесть, что образ текста-тканья представляет собой семантическую категорию и стилистический прием, важный в символическом строе произведения. Свои сочинения Гёте воспринимал как нити, называемые ткачами «основой». Картина мотивов образует не структуру, четкую и намеренно созданную, но сеть, ткань, разросшееся дерево. «Фауст» предстает как полиморфно-изменчивая стихия, овеществленный принцип орнаментирования.

Таким образом, **актуальность темы исследования** диктуется интересом современных наук к проблемам компаративистики, рецептивной эстетики, по-

³ Walzel O. Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters: Handbuch der Literaturwissenschaft. – Potsdam: Athenaion, 1923. – S. 150–151.

⁴ Hoffmann N. The Unity of Science and Art: Goethean Phenomenology as a New Ecological Discipline // Goethe's Way of Science: A Phenomenology of Nature / D. Seamon & A. Zajonc (editors). – Albany; New York: State University of New York Press, 1998. – P. 136–167.

⁵ Goethe I.W. Werke: in 14 Bde. / textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. – München: C.H. Beck Verlag, 1989. – Bd. 3. – S. 44.

⁶ Meißner A.A. Звон и слово в «Фаусте» Гёте // Мейер А.А. Философские сочинения. – Paris: La Presse Libre, 1982. – С. 303.

⁷ Borchmeier D. «Faust» – Goethes verkaptete Komödie // Die großen Komödien Europas / hrsg. von F.N. Mennemeier. – Tübingen: Franz Norbert Verlag, 2000. – Bd. 22. – S. 199–226.

этики в аспекте взаимосвязей России и Европы. В литературоведении предметом целенаправленного, системного изучения стало «обновление» рецепции творчества классиков, которые символизируют абсолютное воплощение художественного дара. Богатство культурных ассоциаций, вызываемых образом Гёте, приводит к концептуализации его имени. Обращение к произведениям представителей разных направлений русской и европейской литературы позволяет увидеть ее как некий континуум, в котором «Фауст» играет роль одного из организующих центров.

Генетико-морфологические проблемы, связанные с морфогенезисом и разделением на категории, зародились в далеких от литературы областях, но в современных процессах интеграции наук обрели междисциплинарный статус. Выработка парадигмы, которая могла бы связать наблюдения над культурой и законами органической жизни, художественным миром писателя, содержанием произведения и языковой формой позволяет в новых культурных условиях вернуться к смыслообразующему потенциалу трагедии. Она дает возможность внести уточнения в общую логику развития фаустовского сюжета, его инвариантов в контексте преемственности культур.

Изучение трагедии соотносится с антропологической проблематикой современных филологических исследований. В западной науке и культуре новую жизнь обретает концепция всемирной литературы⁸. Об этом свидетельствует, в частности, филологический роман Ж. Давида «Призраки Гёте: метаморфозы “мировой литературы”» (2011)⁹.

Объект исследования: литературное осмысление традиции Гёте, выступающей в качестве ценностного художественного компонента европейской культуры.

Предмет исследования: «Фауст» как целостная культурфилософская концепция, трагедия Гёте в литературно-исторической динамике, в контексте эстетических, социально-культурных факторов, задающих интерпретацию художественного текста.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается объемом рассмотренного *материала*. Взяв за исходную основу исследования русский материал, мы изучаем мировой культурный фонд (И.К.Ф. Шиллер, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О.А.Г. Шпенглер, А. Жарри, Ф. Пессоа, Х. Ортега-и-Гассет, П. Целан). Среди авторов были художники-билингвы и полилингвы (Г.Г. Швиттау, Е.И. Замятин, А.Н. Егунов, В.Я. Пропп, В.В. Набоков). Важной составляющей их культурного контекста являются науки: естественные, экономические, гуманитарные.

Аналитический отбор произведений можно разделить на три основные группы.

– Первую группу составляет совокупность художественных произведений Гёте на языке оригинала, их переводы на русский язык и эпистолярное наследие,

---

⁸ Pizer J. The Idea of World Literature. – Baton Rouge: University of Louisiana Press, 2006.

⁹ David J. Spectres de Goethe: Les métamorphoses de la «littérature mondiale». – Paris: Les prairies ordinaires, 2011.

прежде всего, переписка Гёте и Шиллера. В качестве исследовательского материала привлекается широкий свод текстов русских и зарубежных авторов, в чей круг художественных интересов входил «Фауст» Гёте. Среди них сочинения, которые не стали органической частью культурного процесса (маргинальные, фрагментарные, окказиональные).

– Во вторую группу входят неучтенные русские переводы, тексты либретто. Выполненные нами переводы также составили материал, который использовался на разных этапах исследования.

– Третью группу образуют сценические прочтения и материалы периодики XIX – начала XX вв.: отклики на издания, рецензии на балетные и оперные спектакли, литературно-критические публикации, в которых рассматривается влияние Гёте на музыкальную, театральную, художественную культуру.

Цель диссертационного исследования – комплексное изучение традиции «Фауста» Гёте, с учетом основных компонентов сознания эпохи – художественно-эстетического, религиозно-философского.

Цель предопределила решение следующих **задач**:

- 1) изучить понятие «морфология» в творчестве Гёте, его обусловленность типом культурной эпохи;
- 2) определить структурообразующие принципы в архитектонике трагедии; сопоставить эстетические средства разных языков и выявить ресурсы их морфологической системы;
- 3) рассмотреть, как образ художественной ткани становится сферой миграции семантических превращений, осуществления единства;
- 4) проанализировать генеалогию образов трагедии Гёте в контексте европейского культурного ареала;
- 5) исследовать своеобразие фаустианского комплекса как культурного кода в художественных формах разных эпох;
- 6) изучить контекстуальные связи и возможности интерпретации смысла, которые скрываются за ними (политическая реальность, историко-философские идеи);
- 7) истолковать причины актуализации традиции в отдельных авторских концепциях и проанализировать выстраиваемые в них микросюжеты, связанные с трагедией «Фауст»;
- 8) представить генетический и типологический фон, определяющий историко-культурные, литературные коннотации трагедии в разных текстах, исследовать семантический потенциал заимствований;
- 9) обосновать рецепцию и филиацию идей Гёте о переводе;
- 10) проследить, как элементы перевода соединяются на локальном уровне и на уровне историко-культурных обобщений.

Методология и методы исследования. Интегративный междисциплинарный подход является объединительной основой для методологических приемов и процедур, используемых в рамках нашего исследования.

Методы исследования определены его целью и конкретными задачами. Творческая история произведений, их фольклорные и литературные источники изучаются в русле историко-культурного подхода. При рассмотрении общих

законов поэтики жанра используется структурно-генетический и интермедиаальный анализ. Эстетико-аксиологический метод восстанавливает ценностно-смысловую роль авторских замыслов в контексте разных эпох.

Методологической основой стали работы А.Н. Веселовского в области исторической поэтики и представителей сравнительно-исторической школы (М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин и др.), традиция, продолженная в классических трудах М.Л. Гаспарова, А.В. Михайлова, Ю.И. Левина. О необходимости учитывать контекст культуры писали Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.Н. Пыпин, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, В.Г. Винокур, В.В. Виноградов и др. На Западе эта идея нашла воплощение в работах по рецептивной эстетике (Х.-Г. Гадамер, В. Изер, Х.-Р. Яусс), в исследованиях, посвященных «контексту культуры» (Р. Барт, Дж. Р. Фёрс), в философско-антропологических сочинениях (Э. Кассирер, С. Кьеркегор, Г. Марсель, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Плеснер, А. Уайтхед, М. де Унамуно, П. Фейерабенд, М. Хайдеггер, И. Хейзинга, М. Шелер, К. Ясперс).

Мы обращались к работам, посвященным архетипам, художественным константам и универсалиям (С.С. Аверинцев, Е.М. Мелетинский, Л.Е. Пинский, В.Н. Топоров, М. Элиаде).

Методология диссертации основывается на концепциях:

- герменевтические и семиотические теории толкования текстов культуры (Г.Г. Шпет, Ж. Бодрийяр, В. Брэндаль, Ж. Деррида, Л.Т. Ельмслев, Я. Мукаржовский, Р.О. Якобсон, К. Ясперс и др.) и литературных текстов (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и др.);
- теории интерпретации (В.П. Руднев, Р.В. Ингарден);
- лингвопоэтика и теория текста (В.П. Григорьев, Вяч. Вс. Иванов, Ю.С. Степанов); контрастивная текстология (Р.Р.К. Хартман, В. Коллер), интернационализация языковой культуры (П. ван Нюнен).

Научная новизна состоит в следующем:

- 1) Исследуемый эмпирический материал ранее не подвергался сравнительно-типологическому анализу в рамках единой научной традиции. К знакомым именам удалось прибавить неизвестные русские переводы, переложения разной степени удаленности от первоисточника. В исследовательское поле введены переводы XIX в. – непрочитанные «послания» А.М. Овчинникова, М. Семперверо, К.А. Иванова, а также никогда не публиковавшийся, вновь найденный автограф Н.Б. В исследовательской и справочной литературе сведения о нем отсутствуют.
- 2) Реактивируются в научном обороте материалы старинных журналов XIX–XX вв., издававшихся в Петербурге и в Москве («Будильник», «Сатирикон» и др.).
- 3) Дополнена библиография русского гётеанства. Впервые в компаративистском аспекте представлен анализ «Ревизора» Н.В. Гоголя, произведений А.И. Ромма, Г.Г. Швиттау, А.Н. Егунова, Э.Л. Миндлина.
- 4) Устанавливаются системные связи между произведениями, имеющими общую тему. Рецепция трагедии рассматривается как единый метатекст, при всем разнообразии произведений (сюжетном, жанровом). Интерпретация

материала осуществляется во взаимосвязи разных уровней – литературного, культурологического, этнографического. В результате «Фауст» предстает в качестве многомерной, развивающейся структуры.

- 5) Неучтенные факты историко-культурного развития и анализ произведений выстраиваются в общую картину: взаимодействие художников разных эпох с точки зрения дискурса Гёте.

Теоретическая значимость работы. Поставленная в исследовании цель является не только историко-культурной и ретроспективной, но также проективной: исследуется, как современное сознание сопрягает идеи Гёте в едином эвристическом комплексе. Дается обоснование «фаустианства» как самостоятельного объекта исследования со специфическими для него закономерностями, понятийно-терминологическим аппаратом, кругом научных проблем. Расширены представления о рецепции классического наследия и культурных форм. Дан комплексный подход к русским воплощениям Гёте.

Практическая значимость исследования. Новонайденные материалы открывают возможности для публикаторской деятельности, для дальнейших изысканий в сфере морфологии культуры, для теоретического и прикладного переводоведения, при комментировании. Результаты исследования позволят обновить фактологическую основу отечественного гётеведения. Они могут служить в качестве материала для курсов зарубежной и русской литературы, компаративистского литературоведения. Отдельные положения работы представили бы интерес для специалистов в сфере театрального искусства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Онтологическая природа такого универсального явления как «морфология» определяет многообразие ее воплощений. Морфология имеет культурно-историческую основу развития. Понятие «морфология» является системообразующим в творчестве Гёте, оно обуславливает способы создания художественной картины мира.
2. В представлении Гёте культурой является все пространство биологической жизни человека. Он связывает эту идею с поиском когнитивных параметров смыслообразования. Материал позволяет обсуждать вопросы гуманитарного знания: пределы исторического подхода к литературе, способы возникновения в ней смысла, позиция познающего по отношению к познаваемому предмету.
3. Творчество Гёте восходит к фольклорным, прежде всего, паремиологическим традициям. Энигма является одним из главных понятий в его теории символа. Концепция родства поэзии с мифотворчеством и языкотворчеством обязана не только фольклору, но и поискам гуманитарных наук: в них соединяются исследование развития языков с изучением культуры.
4. Стиль трагедии отличается исключительной цитатной сложностью. Культурно-исторический мир, имеющий панхронический характер, играет роль объединяющей модели.
5. Тема Начала отчетливо мифологизирует трагедию Гёте. «*Im Anfang war...*» предстает как этико-семантическое ядро, текст-символ. Двусоставное загла-

вие «Faust. Eine Tragödie» имеет внутритекстовую парадигматическую опору: *Wort, Sinn, Kraft, Tat*.

6. Одной из содержательных тем трагедии становится «повышенная связность» текста. Понятия со значением *ткань* составляют образный комплекс, указывают на культурно кодированные идеологии.
7. Структурообразующей и смысловой доминантой в «Фаусте» оказывается идея энантиодромии: взаимообратимость и связь понятий.
8. Традиция Гёте охватывает все семантические уровни художественного мира писателей и мыслителей: биографический, мифологический, эстетический, философский.
9. Переводы А.Н. Овчинникова, М. Семперверо, Н.Б., К.А. Иванова воплотили картезианский принцип универсальности мысли, которая может быть адекватно выражена средствами любого языка. Эта идея самоопределения русской культуры не связана с историческим славянофильством. Авторы следовали ассимилирующей переводческой стратегии.

Апробация результатов. Конкретные положения диссертационного исследования были представлены на конференциях, проводившихся в период с 1984 по 2021 гг. Они излагались и обсуждались на заседаниях Гётевской комиссии по изучению творчества Гёте и его времени при Научном совете РАН «История мировой культуры» (Москва, ИМЛИ РАН, Институт искусствознания РАН, 1984, 1987, 1989), на I–VII Международных научных конференциях «Язык и культура», «Язык, культура, общество» (Москва, РАН, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009, 2011, 2013), на Конгрессах МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 2003; Варна, 2007; Гранада, 2010; Шанхай, 2011), на IV, V, VII, XIII, XVI, XVII, XVIII, XIX съездах Российского союза германистов (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2006; РГГУ, Москва, 2007; Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2009; Нижний Новгород, Высшая школа экономики, 2015; Москва, МПГУ, 2018; Коломна, ГСГУ, 2019; Тверь, ТвГУ, 2020; Смоленск, СмолГУ, 2021), на I, II, IV, V, IX Международных конгрессах «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, РАН, Фонд Ф.М. Достоевского, 2006, 2008, 2012, 2015, 2021), на I и II международных конференциях «Наука о переводе сегодня» (Москва, Высшая школа перевода МГУ, 2007, 2009), на XI Международной конференции «Русский язык, литература и культура в общеевропейском пространстве XX века» (Познань, Университет им. Адама Мицкевича, 2008), на II, III, IV Международных симпозиумах «Contemporary Issues of Literary Criticism» (Тбилиси, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели, 2008, 2010, 2012), на I и II Международных научно-практических конференциях «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Ситония Порто Карас, Высшая школа перевода МГУ, 2008, 2010), на Международной научной конференции «La Traduction: Philosophie, Linguistique et Didactique. Travaux Recherches» (Lille 3, Universite Charles-de-Gaulle, 2009), на I, II, III Международных научных симпозиумах «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, Институт славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009, 2012, 2016), на V, VI, XI Международных научно-методических конференциях «Профессионально ори-

ентированный перевод: реальность и перспективы» (Москва, РУДН, 2010, 2011, 2015), на Международной научной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013), на XXV Пуришевских чтениях «Образ Фауста в контексте мировой художественной культуры» (Москва, МПГУ, 2013), на III международной научно-практической конференции «Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях» (Прага, Высшая школа экономики, 2013), на VIII Конвенте РАМИ «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Проблема культурных границ в современном мире» (Москва, МГИМО-Университет, 2014), на II, IV, VII Международных научных конференциях «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014, 2016, 2020), на I научной международной конференции «Миф-фольклор-литература: постановка вопроса в современном научном пространстве» (Вроцлав, Русско-польский институт, 2014), на V, VI Международном конгрессах «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014, 2019), на международной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, АлтГУ, 2015, 2019), на Международной научно-практической конференции «Перевод как фактор межнациональной истории культуры. Россия – славяне – Европа» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2016), на Международной славистической конференции «Славянский мир: язык, литература, культура» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018).

Структура работы. Диссертационное исследование включает введение, пять глав, заключение, список источников и литературы, который содержит 372 наименования, и Приложения к 1 и 5-ой главам. Общий объем работы – 522 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, выявляются ее научная новизна и степень разработанности, характеризуется современная ситуация в гётеведении. Формулируются объект, предмет, определяются цель и задачи работы. Характеризуются методологические основы исследования, теоретическая и практическая значимость диссертации. Приводятся положения, выносимые на защиту, а также степень апробации результатов исследования.

Глава I. «Морфология культуры и идея символической парадигматики в творчестве И.В. Гёте».

В § 1.1. «*Морфология как универсальная наука о строении вещества и представление И.В. Гёте о художественной целостности*» исследуется понятие «морфология», которое имеет большой интегративный потенциал в творчестве «германского патриарха». Работам Гёте о культуре присущ естественно-научный пафос. Его искания вписываются в контекст дискуссий об эволюционизме в биологии. Эта наука на протяжении долгого времени конкурировала с филологией в роли поставщика моделей описания. Поэт был увлечен биологией как формой мысли. Он видел устойчивую цель в том, чтобы уст-

ранить всякое разделение, объять целостность в единстве ее происхождения и понятия. Гёте актуализировал мотив схождения, соответствия, соглашения. В творчестве классика понятие художественной достоверности получает научное переосмысление, пересекаясь с идеями аналогии, изоморфизма, гомоморфизма. Европейские ученые XX века старались сохранить филолого-философские результаты исследований Гёте. Р. Якобсон, ссылаясь на «непризнанного биолога» Гёте, толковал «Wahlverwandschaft», «избирательное сродство», как конвергенцию линий развития (*la convergence des développements*)¹⁰.

В § 1.2. «**Паремиологическая модель мира и семантическая категория текста-тканья**» отмечается, что творчество Гёте восходит к древним фольклорным – прежде всего, паремиологическим – традициям. Гёте интересовала энигма как фольклорная и сакрально-культовая форма. Уже на раннем этапе история энигмы раздваивается. Одна ведёт вниз, к малой фольклорной форме загадки, к зарисовке высоких и низменных явлений мироздания. Другая – в высоких сферах словесности – связывает пророка с философом и поэтом. В переписке с Шиллером настойчиво повторяются образы «узла» и «загадки». Писатель должен овладеть апориями проблемы, впутаться в «узел». В загадке есть игра с границами и нарушение границ: всё не столь непоколебимо, как кажется.

Энигма становится одним из главных понятий теории символа в произведениях Гёте. Из раннехристианской оппозиции *алетейя* / *энигма* (др.-греч. ἀλήθεια / *εὐνιγμα*) следует, что интерпретатору необходимо соотнести явное и скрытое. Художники зашифровывали «адрес» в форме космической загадки-задачи. Она подразумевала – в случае недостаточной сообразительности (или нарочитой несообразительности) испытуемого – длительное хождение в поисках ответа. Возникает напряжение между повседневностью и эзотеризмом текста. Иератическая таинственность сменяется рассудочной силой басни.

Гёте постоянно обсуждал типологию возможных форм связи в тексте, проблему единства и разнообразия¹¹. Он называл «Фауста» «рапсодической драмой»¹². Подобное определение уже встречалось в истории культуры: «рапсодическое произведение» Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759). «Рапсод» (др.-греч. *ραψῶδος*), согласно античному толкованию, означает «сшиватель песен». Традиция Стерна и Гёте восходит к «Строматам», сочинению Климента Александрийского («Στρώματα», II в. н.э.)

Трагедия Гёте соткана во всех смыслах этого слова: в ней предстает вселенский, биологический и культурный образ ткани. Он воплощает стихию, которая сама настраивается, организуется в узор под влиянием случайностей и ритмической повторяемости. Элементы текста, принадлежащие разным уровням поэтики, объединены мотивом или темой. Автор создает своеобразную тематическую «сетку». Ни одно сколько-нибудь значимое высказывание не суще-

¹⁰ Jakobson R. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues // Jakobson R. Selected Writings: in 2 v. – Paris: The Hague Mouton, 1971. – V. 1: Phonological studies. – P. 234–246.

¹¹ Johann Wolfgang von Goethe: Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe: in 2 Bde. Bd. 1 [Electronic resource] – URL: <https://gutenberg.spiegel.de/buch/briefwechsel-zwischen-schiller-und-goethe-erster-band-3659/2> – № 330 (An Goethe, Jena, den 26 Juni 1797).

¹². Ebenda. – Bd. 2. – № 448 (An Schiller, Weimar am 11 April, 1798).

ствуется обособленно. Единый текст осуществлен через множество форм индивидуального выражения. «Коэффициент» попарной связанности отражает насыщенность ткани трагедии «отношениями». Поскольку прядение и ткачество осознавались в своем магическом значении, речь идет о «путях» судьбы, «выпрядаемых» Свыше. Дьявол сплетает из действий людей свою сеть, в которой запутывается человек. И наоборот, решения, действия человека причастны к свершению теокосмической жизни.

В § 1.3. «Смысл поэтического образа» отмечается, что текст-ткань требует «рекурсивного» чтения начала трагедии в свете следующих сцен.

В § 1.3.1. «Синтетическое целое: три Пролога к трагедии “Фауст”» рассматриваются три пролога, образующие поэтическую сверхтему «соединения», «повышенной связности» как одну из содержательных тем трагедии. Для Гёте коренной идеей логики являлась идея начала (начала жизни, мысли). Данное понятие употреблялось Гёте на правах одного из пра-(перво)-слов (Urworte). По речевому и мыслительному стилю весь «Фауст» представляет собой Начало. «Посвящение» повинуется правилу инхоативности (точка отправления). Воспоминания обретают свойства публичной речи об истинности избранного пути. Возникают метафоры первоисточка и возвращения. В плане литературно-биографическом первоисток – это «Посвящение» к «Фаусту», где в свернутом, предварительном виде уже присутствует топика и поэтика трагедии. В плане метафизическом – это реальнейшее (ad realiora): энтелехия Аристотеля («...in der Wesen Tiefe»). В соответствии с учением Аристотеля о целевых причинах («Метафизика»), начало одновременно является целью. Поэт «перемещает» вершину в иерархии знаковых ценностей в начало культурного цикла: «Gleich einer alten, halbverklungenen Sage» («Подобно древнему, полумолкнувшему преданию»). В истинном поэте Гёте угадывал древнего человека: он творит стихи так, как первобытные люди создавали первообразы слов. Песнь, подобная Эоловой арфе, предполагает естественность и первородность. В «Прологе в театре» поэт, говоря о том, как рождаются тексты, открывает тайну собственного рождения. Если «В Начале было Слово», то остальные слова произошли непосредственно от него. В «Прологе на небе», уравнивая в правах все элементы мироздания, Гёте делал ткань бытия сплошной.

В § 1.3.2. «Возрасты жизни» отмечается, что в сцене «Ночь» Гёте использовал сюжет «figura sedens», который своей известностью обязан немецким миниатюристами и Петрарке. Прилежание книжного невольника привело к «опустошению», к тому состоянию, когда о человеке говорят, что он «отдал всю душу». *Vastatio, vastari* («опустошение») означает не только сама себя сжигающая жизнь, но переживание человека по поводу блага, истины. Сквозным метасюжетом сцены «Ночь» является Пасха, один из самых любимых ангельских топосов Гёте. Миф «Фауста» – рождение сына-Спасителя и Его воскресение – аккумулирует проблему ребенка и детского начала вообще, одну из главных тем трагедии. Не дошедший до умного делания, Фауст находится между исповедью и умопремной. В этом состоянии есть новорожденность: наличие бытия при полном отсутствии знания и умения. В финальной строфе Фауста

«Вечно женственное» («das Ewig-Weibliche») является вечным младенчеством, вечным отцовством и сыновством.

В § 1.4. «Мифопоэтическая триада “Слово – Мысль – Дело”»: статус фрагмента и его структура» исследуется древняя триадическая схема. Данная топика, являясь гносеологически исходной и аксиологически эталонной, образует «мотивировочный» контекст. Во фрагменте воплощен поиск идеально гармоничной формы и линии (онтологической шкалы): Wort / Sinn / Kraft / Tat¹³. В упорядоченном мире между ними не может существовать «рассогласование» или «разрыв». Применение метафоры лестницы делает этот замысел более наглядным. В контексте зыбких метаморфических корреспонденций слова связаны отношениями не субординации, но ограниченной синонимии. Гёте подчиняет Логос генологическому императиву: свести сущее и бытие к единству. Поэт использует «сад корней»: возможности сочетаний односложных слов для создания ритма. Односложным словам принадлежат особые полномочия в передаче смысла. Именно их легче всего воспринять как неделимое начало. Они часто обозначают первозданные реальности (жизнь / смерть, дух / плоть, твердь / хлябь, мгла, ночь, свет, гром). В трагедии образу вертикали противостоит *figura serpentinata*. Линия змия на поверхности ломается, выворачивается, искажается. Она воплощает «пресмыскательную» природу Дьявола, извивающегося Змея-искусителя. Если не заметить этого противопоставления, исчезнет внутренняя ассоциативность односоставного ключевого антропонима «Faust» с кругом лексики *Wort, Sinn, Kraft, Tat*. Имя окажется лишенным внутритекстовой парадигматической опоры. Понятие *Faust* – превосхождение – опирается на исходный семантический комплекс. Метафорическая конструкция лестницы сопряжена со значением движущей силы.

В § 1.5. «Инфантильное / инфернальное» анализируется самоназвание Дьявола «Ein Teil von jener Kraft...» («Часть той силы...»)¹⁴, обладающее высокой энергией эпиграфа. Имя производно: оно часть и отпечаток внеположного целого. Их взаимозаменимость выявляет метонимическую природу Дьявола. Мефистофель выдает дискретное начало за протяженное. При этом он не указывает, с каким целым – *pluralia tantum* – он себя связывает. Одно нечеткое понятие («часть») сравнивается с другим, включающим «неопределенное множество»: «силы той». Дьявол тщательно оберегает инкогнито и поднимается на такие высоты всеобщего, что вопрос о верификации становится невозможным. Во фразе заключена девиация: логическое следование включает в себя логическую несовместимость. Здесь «свернуты» антиномия, семантический конфликт: «<...> всегда желает зло и всегда творит добро» – в природе нет образования, которое соответствовало бы этому сочетанию. В устройстве мира не бывает половины добродетели (истинная ложь или ложная истина).

Мы полагаем, что ключом к формуле Мефистофеля служит великая история, последовательность которой охватывает все, – два Завета. Она неделима и

¹³ *Goethe I.W. Werke: in 14 Bde. / textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. Vierzehnte durchgesehene Auflage. – München: Verlag C.H. Beck. 1989. – Bd. 3. – S. 44.*

¹⁴ *Goethe I.W. – Bd. 3. – S. 47.*

вечна. Отношения между двумя Заветами складывались в духе предвосхищения. В Ветхом Законе есть требования, неприемлемые для Нового. Бог желает жертвенной крови, затем отказывается от нее. Дьявол защищает себя на языке Библии, интерпретированной им в духе Евангелия от Мефистофеля. Он обращается с сакральной мифологемой как с понятийной конструкцией. Логика подмены приводит к мессианскому соблазну. Гёте постоянно возвращался к «материи» ложных пророков. Писатель настаивал на двуединой, мистериально-фарсовой системе «Фауста». Фарс и мистерия исследуют царство разных степеней свободы, метафизику своеволия. С появлением Мефистофеля всё обретает признак части, активизируется значение диминутивности. Имя Дьявола, занявшее целую строку, передаёт экспансию разросшегося «я», инфантильную потребность в отождествлениях. Инфантильная инфернальность Мефистофеля имеет ярко выраженную сюжетную функцию. Дьявол противопоставляет тривиальное – трагическому. Рутинная и цели выживания не оставляют места трагическому пафосу. К логике связей в высказывании Мефистофеля и к верифицируемости выводов обратился Ф.М. Достоевский.

В § 1.6. «Аксиология мгновения: пафос географический и мистический» отмечается, что условие договора основано на прагматичной концепции времени. Пари заключается на мгновение, которое может «задержаться», «помедлить», «пробыть». Суть договора состоит в наказании осуществлением желаний. Главное условие сделки связано со словом: «Werd ich zum Augenblicke sagen» («Скажу мгновению...»). Если мир был создан словом, то словом он может быть остановлен. Время превращается в «рассыпанную» вечность: из него извлекается одно мгновение, которого еще нет. Задержанное мгновение создает «разрыв» в зримой связи вещей, ведет к потере нити. Чужеродная мертвая ткань начинает присутствовать в живом сознании. Герой устремляется навстречу судьбе, чтобы «воссоединиться» с вербальным творением под названием «Augenblick».

В поэтической эсхатологии Гёте проступает традиция апокалипсического мышления. Историко-культурная география сцены «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге» имеет свой конфессиональный аспект (языческий, христианский). Амурская хроника Лейпцига обретает библейские черты. Бурши упоминают астионим «Рим», мировой центр христианства, связанный с первыми веками Церкви. В «Фаусте» этот образ-парадигма являет собой манифестацию смысловых значений, на первый взгляд, не относящихся к непосредственному действию. «Хлеба и зрелищ!» (лат. panem et circenses) представляет собой пейоративный мотив воплощения Слова в Хлеб. Фауст возлагает надежды на запасной вариант магической операции по овладению временем, которая осуществляется в следующей сцене «Кухня ведьмы». Гёте завершил ее в Италии в 1788 г. Первозданный Эдем, блаженная страна бессмертия и вечной юности, стал из наличного искомым. Две рядом стоящие сцены трагедии можно постичь только в контексте воспоминания и призывания, анамнесиса и эпиклесиса (др.-греч. αναμνησις, ἐπίκλησις): стяжание духа Божия на предложенную чашу. Условия договора в трагедии соотносятся с двумя христианскими понятиями: Евхаристия и рефригерий. Святое Причастие является единственным в мире остано-

ленным мигом. Слово «refrigerium» (лат. «утешение») имеет смысл «освежения» плоти, ее обновления¹⁵. Образом воскресения завершится трагедия.

Глава II. Аксиодоминанты И.В. Гёте и многоаспектность их воплощения в русской литературе: историко-культурный и текстуальный анализ.

В § 2.1. «Свойства Логоса: “Сцена из Фауста” А.С. Пушкина» рассматривается драматическое (диалогическое) стихотворение 1825 г. Самое важное в нем представляет собой не стилизация, не опыт реставрации древних форм, не обогащение драмы современными смыслами, но углубление возможностей, таящихся в мифе о Фаусте. Пушкин предельно проявил внутреннюю форму трагедии. В статье «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (1833) он заметил, что Байрон в «своем “Манфреде” сделал из “Фауста”: ослабил дух и формы своего образца»¹⁶. Мыслительная посылка – свойства Логоса как Мысль, Сила и Дело – вводит читателя в структуру изображаемого в «Сцене» Пушкина. Дьявол прибегает к дефиниции «тварь разумная», имеющей высокое происхождение: homo cordatus, человек разумный. Он пародирует великий принцип мысли. Данная тема как эхо «cogito ergo sum» Декарта усиливается Пушкиным и является одной из ведущих. В речи Дьявола четкие контуры задают форсированное противопоставление, эстетически используемый контраст. На одном из полюсов – пресыщение, на другом – утрата; язык указывает на драматическую цезуру в человеческом существовании. Пушкин подыскал реальное географическое соответствие данным идеям. «Сцена из Фауста» является поэтической маршиной: события разыгрываются на берегу моря. Гармонизирующая «классическая» протяженность присутствует глубинно-метаморфически.

В § 2.2. «Дело как собрание истории: декабристы о Гёте» отмечается, что в отношении декабристов к «германскому патриарху» таился драматизм художественный и жизненный. Они увидели в Гёте надменного наблюдателя «предрассуждений века», который ввел культуру в русло законопослушных традиций. Но мир данности и ценностный мир разъяты не на вечные времена. Попыткой их воссоединения оказывается история Фауста. Кюхельбекер определил жанр «Фауста» как трагическую басню¹⁷. Он рассматривал произведение в рамках паремиологической модели – загадки и басни. Современник и «ученик Крылова», Кюхельбекер наблюдал превращение басни в универсальный жанр, способный вместить всё, что предполагает понятие «культура». Свойства животных особым образом отражают отношения человека с Богом, Дьяволом и природой. Кюхельбекер настаивал на идеальном характере полярностей, на разительном контрасте атмосферы, благочестивой и фарсовой, бытовой и авантюрной. Его в течение долгого времени занимала идея превратить самозванца в

---

¹⁵ Fasola U.M. The Catacombs of Domitilla and the Basilica of Martyrs Nereus and Achilleus // Roman and Italian Catacombs. Pontificia Commissione di Archeologia Sacra. – Citta del Vaticano, 2002. – P. 47.

¹⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / ИРЛИ РАН, изд. подгот. Н.В. Измайлов, Ю.Г. Оксман, и др. – Л.: Наука, 1978. – Т. 7. – С. 183.

¹⁷ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / изд. подгот. Н.В. Королева, В.Д. Рак. – Л.: Наука, 1979. – С. 96.

«русского Фауста». Фауст и «Антихристов предтеча, Гришка Отрепьев» – современники и в некотором смысле собраты, хотя сомнительные, «блудные сыны» семейства. «Испытание высоты небесной» – не просто причуда искателей приключений, но мучительная попытка найти бессмертие. Дьявол внушает дурные помыслы «отступнику явственному», которому свойственно самочувствие пророка (призванного или посланного), представление о миссии и посольстве.

В § 2.3. «*Строй разумной формы: от “Филокалии” до “Фауста” в “Ревизоре” Н.В. Гоголя*» исследуется, как основой определяющего принципа философии и творчества Гоголя является «систематический фактор». Оптический эффект – предположение о просвещенном госте – становится каркасом четкой структуры в «Ревизоре». Гоголь открывает тему ментального органа в человеческом «составе» (мозг, лоб) и переходит к описанию ментально-психических особенностей человека (замысел благо / или злодеяния, удача / неудача, наличие / отсутствие мысли). Перед взором читателя и зрителя вырисовывается знакомый, но неопределенный в своих очертаниях силуэт мыслителя, незримо руководящего «ревизором». Это Фауст со старинных гравюр: интеллектуал, полагающий, будто мышление вытаскивается рефлексией в кабинетной тиши и способно вобрать в себя весь мир. Гоголь подчеркивал в Хлестакове ощущение «духа музыки». Хлестаков насвистывал мелодию из «Роберта-Дьявола». Черты персонажа предвосхищены в эфемерном музыкальном рисунке, дьявольском «ладе». Он обретает генеалогию: одна из ветвей его родословной восходит к опере, написанной Мейербером в 1830 г. по мотивам средневековой легенды (в содружестве с Э. Скрибом). Гёте размышлял о возможных авторах, которые смогли бы написать достойную музыку ко второй части «Фауста»¹⁸. В качестве композитора, близкого по складу дарования, он называл Дж. Мейербера и предпочитал его даже Моцарту.

Хлестаков прибыл на Василия Египтянина. Имя «Египтянин» сопряжено с темой пустынной местности, с заветами пустынножительства. Для христианского сознания пустыня является конкретным знаком события в сфере духа. В «Ревизоре» обнаруживает себя алиментарное опустошение. Хлестаков сначала расточает собственную долю, затем покушается на долю других людей. Акт траты «имущества» чиновников, его истощения, изживания воплощает парадоксальный вариант «опустошения».

В Приложении к пьесе «Развязка “Ревизора”» Гоголь довел суждение до корректной и сильной формы: «<...> то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видишь добра»¹⁹. Гоголь не раз повторял эти слова, придавая им понятийно-эпиграмматическую остроту.

В § 2.4. «*Иницирующий пафос: апории И.В. Гёте в прозе И.А. Гончарова*» отмечается, что Гончаров не столько читал Гёте, сколько пытался создать

¹⁸ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н.С. Ман; вступ. ст. Н.Н. Вильмонта, коммент. и указат. А.А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 210, 280. Записи от 25 января 1827 г., от 11 февраля 1829 г.

¹⁹ Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 4: Драматические произведения. – С. 363.

и удержать его «целостный» образ. В «Предисловии к роману “Обрыв”» он писал: «Еще более поглощал меня анализ природы художника, с преобладанием над всеми органическими силами человеческой природы силы творческой фантазии. <...> Но я все-таки упорно предавался своему анализу, не смущаясь образцами попыток над подобными натурами знаменитых писателей, как, например, Гёте <...>»²⁰. Высказывание обретает аксиоматическую четкость. В нем выражено эстетическое кредо, заключен философский мотив и содержится ключевая фраза к сюжету романа. Подобный пафос определяет высокую интенсивность возврата. На размышлениях писателя о Гёте лежит печать плеонастической замкнутости, речь идет об одном и том же. Гёте наделяется онтологической интуицией Гончарова, индивидуальные особенности мыслителей отличаются сводимостью черт. Мир немецкого писателя предстает как поле борьбы активного творческого начала с активными жизненными стихиями. Мифоним «Одиссей», с которым Гончаров сравнивал себя, составляет одну из важнейших семантических констант в его поэтическом мире. Можно проследить генезис мифологемы: миф о любви Эос к Тифону и мотив возвращенной молодости. В культуре соотносятся два образа – Тифона и Фауста. Боги даровали Тифону бессмертие, но не дали вечную молодость. Повествование отсылает к истории о старой Кумской сивилле, которая хотела и не могла умереть. Для древних греков высшим благом являлись не возвращенная юность и бессмертие: у них были земные представления. Калипсо дарует Одиссею вечную жизнь, а он желает вернуться на Итаку. Ценность путешествия выражается посредством каталога благ, приобретений – прежде всего, знаний и ощущений, – которыми должен обогатиться странник.

По типу философствования, по внутренней национальной ориентации Гончаров является человеком формы, которая означает не просто упорядочивание готового материала. Она всегда стремится к другой форме, чтобы превратить культуру в драму слова, имеющего внутреннюю историю. Для формы важны моралистическая и сотериологическая стороны. И.А. Гончаров испытывал тягу к философской традиции и контекстам, связанным с формотворчеством, в частности, к имени Гёте.

В § 2.5. «*Мастерство как метафора действующего и мыслящего художника: И.В. Гёте и Л.Н. Толстой*» рассматривается понятие «мастерство», обладавшее в творчестве обоих писателей законченным, самостоятельным смыслом: оно соединяло метафизику и этику. Определение творческой индивидуальности часто включает идею «архетипа». Глава шестая книги Д.Г. Льюиса о Гёте называется «Литературный лев» («The literary lion») ²¹. «Лев русской революции» – так в очерке «Лев Толстой» назвал писателя Горький (1919). В качестве архетипической доминанты творчества Толстого мы выделяем всевидящее львиное око и «по когтю льва» (ex ungue leonem). Львиное око имело

²⁰ Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. С.И. Машинского, В.А. Недзвецкого, К.И. Тюнькина. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 6. – С. 443–444.

²¹ Льюис Д.Г. Жизнь И. Вольфганга Гёте: Ч. 1–2 / пер. со 2-го англ. изд. А.Н. Неведомского. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – Ч. 1–2. – С. 233.

необыкновенную способность сохранять величие, блеск, избыток «солнечной» энергии после того, как тело умирало. «По когтю льва» является старинным приемом художественных мастерских. Так обосновывалась возможность по одной детали сделать заключение «о целом». Латинское выражение подразумевает так же отточенность формы в культуре. Мастерство соотносится с чувством и динамикой мысли в вымысле. Образной силой наделена только чистая мысль. Толстой записал в «Дневнике» 9 марта 1865 г.: «“Фауст” Гёте читал. Поэзия мысли и поэзия, имеющая предметом то, что не может выразить никакое другое искусство»²². В самоописаниях Гёте и Толстого присутствует мотив люминифации. Моменты озарения проявляются в мыслительном процессе в своем «естественном» облике и в образе света «изобретенного», ассиста.

§ 2.6. «Сердечная эмблематика поэта – хранителя речи». В § 2.6.1. «Кардиогнозис в творчестве И.А. Бунина и Е.И. Замятина» определяется главная внутренняя тема Бунина, связанная с немецким писателем: «вездесущность» Гёте в культуре. Вместо высоких оценок (условных, общих и клишированных), Бунин повторял: «Гёте говорил...», «...говорил Гёте»²³. Биография великого немца становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником произведений Бунина. Образ немецкого классика построен Буниным как идея-итог, предельная возможность мыслимой и воплощенной творческой системы.

В «Дневниках» Бунина приведена запись от 20 августа 1923 г.: «Gefühl ist alles – чувство все. Гёте. Действительность – что такое действительность? Только то, что я чувствую»²⁴. Клише «сказал и подумал в сердце своем» известно в архаичных мифопоэтических традициях. Единство понятий «биение – пульсация – трепетание – мысль» неоднократно оживало в культуре. Например, образы трепещущей мысли, «плескание сердца» в мистической фразеологии, афоризм Паскаля «Le coeur a ses raisons que la raison ne connaît point» («У сердца свои доводы, которые разум не знает совсем») (Pensées, 477). В традиции Гёте так же за обозначением отвлеченных понятий (например, мышление) скрывается переживание. «Geschrieben steht: im Anfang war der Sinn» («Написано: В Начале Чувство было»). Именно «думание сердцем» Бунин ценил в Гёте.

В романе Замятина «Мы» (1921) подлежит комментированию название «Мефи». Оно образует гапакс легоменон: исключительное, индивидуальное употребление понятия. В слове имеются своя идея, образ, коллизия и сюжет. С одной стороны, усечение приводит к смысловой компрессии и развитию новых семантических связей. С другой стороны, оно размывает границы между разными грамматическими классами слов, усиливает неопределенность знака в художественном тексте. В названии пересекаются, как в разумной структуре,

²² Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. / гл ред. М.Б. Храпченко, Н.Н. Аكوпова, К.Н. Ломунов, С.А. Макашин, Л.Д. Опульская. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 17. Письма, 1842–1881. – С. 878.

²³ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 5. – С. 78, 79, 108.

²⁴ Бунин И.А. – Т. 6. – С. 443.

слово из Библии, трагедии Гёте, из советской современности. Гипокористики, т.е. сокращенные формы личных имен, характерны для греческого языка. Они часто встречаются в Новом Завете: Сила / Силуан, Антипа / Антипатр и т.д. Калькирование, заимствование, перенос имен, названий из библейской традиции на русскую почву были излюбленными приемами в православном благочестии, в отечественной культуре. Они свидетельствуют о включении событий национальной жизни в контекст Священной истории. За настойчивыми упоминаниями Замятина о настоящем «от Фауста» скрывается истина: искренность поэта, «вбирающего» все вокруг, обеспечена тем, что он хранит свою «психею» как святыню. Этот сакральный, строгий смысл слышится в словах Замятина о Мефистофеле, который «<...> втайне верит в силу человека стать божественно-совершенным»²⁵. В сложной поэтике отсылка культура предстает как единый хор творцов: от древности до Гёте и Пушкина. «Фаусто-мефистофелевская» тяжба в творчестве Замятина утратила свою силу. Общая благая часть, которая связывает героев, будет возрастать даже при осознании их разности. Все элементы художественного мира связаны отношениями подобия и родства.

В § 2.6.2. «Утраченные аллюзии: “Возвращение доктора Фауста” Э.Л. Миндлина» отмечается, что писатель обращался к культурно-исторической идее возраста как мирозозидающего элемента. Начиная с ранних произведений, Миндлина занимала эта коллизия: нарушение цикла жизненного пути, утраченная старость омоложенного Фауста. Она является символической доминантой и сквозной метадиадой (мотивной, тематической, сюжетной). Условием договора с Фаустом становится «превентивная» смерть: убедить «человека лишиться себя жизни!.. Прекратить себя!»²⁶. В «Возвращении» заложен «воспоминательный» потенциал. Мнемоническая сила транспонирует миф в слово памяти. Сюжет о старом Фаусте перелagается в мемуар о старой Москве. Имя Цветаевой появляется в контексте содружества поэтов. Заметим, что в романе оно «не звучит»: видимое обращение к ее творчеству отсутствует. Образ Марины вырос из вольных странствий по Москве и путевых собеседований. Миндлин выразил в истории о Фаусте, приехавшем в Прагу из Москвы, то непосредственное общение, в котором Марина жила и мыслила. Происходит понятийно-семантический сдвиг к разговору между поэтами: он давно начался, не завершим, не может быть прерван или оборван безвозвратно. Разговор заключает в себе поэтику воздержания от смерти: ее нет, пока длится рассказ.

В 1930-е гг. философ и президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик, автор диссертации «Самоубийство как социальное явление», искал «славянское решение вопроса» Фауста. Он не находил оправдания герою: на его

---

²⁵ Цит. по: Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем. Роман «Мы» Е.И. Замятина. – СПб.: Астра-Люкс, Сударыня, 1994. – С. 89.

²⁶ Миндлин Э.Л. Начало романа «Возвращение доктора Фауста» // Возрождение. Литературно-художественный и научно-популярный, иллюстрированный альманах: в 2 т. / под ред. П.Д. Ярославцева. – М.: Изд-во «Время», 1923. – Т. 2. – С. 180.

взгляд, Фауст должен обрести себя в деятельной любви к жизни²⁷. Миндлин дал «славянскую» интерпретацию истории Фауста. На совести его героя нет ни одной жертвы, ни одного «злодеяния на душе». В резком завершении действия не оставлено трагедии на долю Маргариты, четы стариков – Филемона и Бавкиды.

Сказка «*Es kann nicht sein*» («Не может быть») соотносится с семантико-этимологическим переводом имени «Фауст» (кулак). К этой сказке, посвященной строительству Днепрогэса, автор возвращался три раза. В 1935 г. был опубликован окончательный вариант на немецком языке. Сказка строится на утаивании темы в эвфонических фигурах, в имени «*Faust*». Оно мелькает два раза там, где читатель не ожидает его увидеть: «*auf eigene Faust*» («по собственному Фаусту»), т.е. «по своему разумению») и «*Fausthandschuhe*» (*варежка, рукавица*). В тексте на русском языке писатель не мог бы подобрать такое соответствие. Восприятие сказки зависит от «почвы» сердца читателя, которого ведет к истине трагедия Гёте. Предполагаемым адресатом является подготовленный человек. Только он способен оценить слово «*Faust*» применительно к потенциальному смыслу текста. Но такого друга нужно воспитать. Архетип «мудрого старца» соотносится со «школьными жанрами»: урок, совет, наставление, философский диалог. Занимательный сюжет превращается в благодатный учебный материал «*ad usum delphini*».

Глава III. «Два модуса восприятия как сюжетообразующий принцип». Образы Гёте претерпевали метаморфозы, участвовали в поэтике эксперимента; культурный пиетет сочетался с фамильярностью. Так, на французской сцене имел успех театр А. Жарри и «демонического фламандца» М. де Гельдерода. Жарри был настолько близок искатель Абсолюта Фаустроль, что некоторые свои произведения он подписывал его именем. Фаустианская тема звучит в сложном и гетерогенном контексте. Описывая странствия персонажей, Жарри следовал традиции народного гиньоля, заимствовал мотивы из романа Рабле: путешествие по книгам, символическим островам. Писатель травестировал цитаты, помещая их в обценный (скатологический, фаллический) контекст.

В § 3.1. «Миграция и трансформация образов “Фауста” в журнале “Будильник”» рассматривается издание, которое можно сравнить с лучшим на рубеже XIX–XX вв. сатирическим еженедельником Европы – «Симплициссимусом». Эмблемой «Будильника» являлся образ Мефистофеля. Посланец Свыше призван навести порядок в публикуемых сюжетах, что указывает на «патрональный» характер отношений. «Фауст» «тайного советника и травоведа В. Гёте»²⁸ воспринимался авторами журнала как важное дополнение к репертуару русской литературы. Трагедию включали в центр литературной системы. В 1894 г., «по случаю совершающегося 30-летия “Будильника”», главной пре-

²⁷ См.: Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С.Г. Бочаров; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова, И.З. Сурат. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 169, 176, 210, 213–214.

²⁸ Будильникъ. Сатирический еженедельный журнал с карикатурами. – М., 1892. – № 37. – 20 сентября. – С. 4.

мией за подписку «Будильника» стал «Фауст» Гёте²⁹. Комментарии Мефистофеля представляют все формы ритуальной, кодифицированной речи, которая опирается на гномы – формулы мудрости и постулаты. Гномическое содержание, с элементами басни и личной сатиры, образует секуляризованное «баснословие». Сочинение Дьявола претендует на роль всеобъемлющего этического трактата (*opus magnum, summa moralis*), при этом отличается родовой неопределенностью. На страницах журнала происходит «великое переселение» образов из трагедии немецкого писателя, из оперных либретто о Фаусте. Используется один и тот же прием: имитация оригинала в разных жанрах. В журнале публиковались фарсы по мотивам «Фауста»: «драматическая фантазия» «Фауст на Неве»; «Ночь на Ивана Купала (Сцена из Фауста)», «Современный Фауст (Просят не смешивать с “Фаустом” Гёте)». Очевидны параллели и мотивная перекличка сцен с «Фаустом»: путешествие, сон, образ нормативной красоты. В феерических спектаклях декоративно-постановочным эффектам сопутствует кинетический элемент (погони, полеты, исчезновения, потасовки)³⁰.

§ 3.2. «Специфика преемственных связей: “Стать притчей во языцех” и “Всяк сущий в ней язык”. В § 3.2.1. «Мифообраз И.В. Гёте и “Фауст” в творчестве А.П. Чехова» анализируется мир Гёте в творчестве русского писателя, включающий разные «тексты». Чехов выделял жанр биографии, который – в значительной степени – опирается на «случай» из жизни, парадоксальные ситуации, сентенции, анекдотический материал. «Раздвоение» Гёте, параллельное бытование полярных его ипостасей – трагической, благостной и карикатурной (каждая со своим кругом сюжетов и устойчивых мотивов) – свидетельствует о том, насколько важный для эпохи круг проблем способна была актуализировать эта фигура.

Чехов размышлял о том, когда и в силу каких причин образ писателя канонизируется. «Сам сказал» («*Ipse dixit*») означало изъятие права на фамильное обращение с «Самим». Возникло представление, что «наука о Гёте» достигла абсолютной вершины. «Фауст» в творчестве Чехова интересен в плане реконструкции цепи переходов, охватывающей сумму значений. Обращение к Гёте возникает не во всей полноте, а выборочно, иногда случайно. Трагедия служит для Чехова источником ситуационно обусловленных цитат. Чехов передает усредненные принципы обращения с текстом: «пародирование», «развенчание» классики или ее современное прочтение. Модели толкования текста так устойчивы, что можно судить о произведении, даже не имея индивидуального читательского опыта.

Чехов отсылал читателя к ещё одному средостению в области логики потенциальных встреч. В 1888 г. у него возник замысел создать произведение на исторический сюжет. В письме от 4 мая 1889 г. он замечал: «По моему мнению, “Экклесиаст” подал мысль Гёте написать “Фауста”»³¹. Чехов слышал в «Фау-

²⁹Будильникъ. – 1894. – № 4. – 30 января. – С. III.

³⁰Будильникъ, 1893. – № 16. – 25 апреля. – С. 5.

³¹Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1978. – Пт. 17. – С. 438.

сте» голос «Книги Притчей Соломоновых» и «Екклесиаста». Чехов не ставил перед собой задачу «аналогического» развертывания жизни Фауста и плана жизни библейского Соломона. Но главное все-таки отмечал: мотив разума и знания. У Чехова Соломон, несмотря на мучения и отсутствие смысла, строит храм. Он сохраняет значение языческого храма, что было важно для Гёте (писатель подчеркивал свой органический интерес к язычеству).

В прозе Чехова возникает подвижное, динамическое соотношение двух полярных образов Гёте и его сочинений. «Фауст» предстает как трагический мир и несколько лубочное, похожее на святочную картинку, уютное и домашнее пространство. Преобразованное, сниженное (даже доведенное до нелепости) нередко провоцирует к продолжениям, смысл которых отсылает к исходному единству. Чехов связывает эти сферы отношениями дополнительности, и связь оказывается не форсированной, а взвешенной. Истинный писатель ввремя чувствует мертвое в себе и переживание ложной вечности.

В § 3.2.2. «(Ин)вариант образа И.В. Гёте в прозе В.В. Набокова» отмечается, что размышления Набокова о немецком писателе предстают как двойственные и далеко не восторженные: естественная реакция против слишком высокого напряжения спекулятивного умозрения. Но Набоков сознавал то «заумное родство», ту поэтическую связь, которая соединяет его с Гёте и с одной из самых вневременных книг. Он перевел на русский язык ее начало: «Посвящение к “Фаусту” (из Гёте)» (1932). Энтомолог Набоков занимался насекомыми, живущими не более суток или несколько дней. Компрессия времени захватывает их век. Слова Гёте «Verweile doch...» («помедли же...») являются сакральной репликой микрокосма. «Останься же...» (не вполне точный перевод) становится мотивообразующим повтором во многих произведениях Набокова. Писатель обратился к структурному (не орнаментальному) приему рассеянного реминисцирования одной фразы. Он выдерживал его систематически в качестве своеобразной антропологической константы. Цитата Гёте в прозе Набокова постоянно меняется: слова могут быть переставлены, утрачены. Она превращается в другой текст, который, однако, хранит память о своих истоках. Реминисценция появляется тогда, когда речь идет о месте заточения, о жизни в тени, во мраке (романы «Король, дама, валет» (1928), «Приглашение на казнь» (1938), рассказ «Занятой человек (1931)). Одна цитата из Гёте образует глубинный слой, в котором «разыгрывается» идея восполнения недостающего начала, преодоления кризисного состояния.

В § 3.3. «Голос И.В. Гёте: “По ту сторону Тулы” А. Николева» подчеркивается, что гётевский контекст охватывает большой диапазон значений в романе – от эсхатологической категории превращения явлений и преобразования мира до балагана (как, например, в истории о гамельнском дудочнике), до эпизодов, решенных в утрированно-лубочной эстетике. В русско-европейском сюжете Николеву оказалась близкой идея морфологии культуры Гёте. Николев испытывал интерес к сенсорике и акустическому компоненту. Он разделял античную идею, развитую Гёте: вследствие духовного становления человека совершенствуются его произносительные органы. Душу человека воплощает голосообразование в качестве биологической и культурно преобразованной

способности. Параллельное голосоведение, сеть психологических проекций создают эффект сложной сонорной ткани. На фоне мерцающего сюжета «Фауста» проступает поворот темы: дьявольский мир, миф о договоре уступает место светлой «демониаде», соприкасается с творческой, музыкальной стихией. Именно так, следуя античным представлениям, понимал его Гёте.

Морфологическое размышление Сергея о нарушении родовой корреляции и феминизации существительного *die Faust* связано с фонетическим рассуждением Федора о букве «ф». Звук, чуждый славянскому языку, выражался через ферт и фиту. Фонема иконически разъединяет имя «Федор» на «*Faust*» и «*Faland*». При сохранении исходного напряжения общим качеством персонажей является призвание, *opera* (лат. «труд, делание, творение»). Детскость восполняется силой, энергией. Поэт предстает как существо всеполюе, внеполюе, восприимчивое к женственной душе мира. Модус бытия, определяющий человека поэтического, не имеет категорий рода. Писатель извлекает внутреннюю форму слова *вдохновение* («дышать» и «вдох»): дыхание помогает определить генетический код голоса, порождающий ритм. Совместное чтение Сергеем и Федором «Фауста» в Петергофе создало предпосылку резонанса и конспирации (*co-spirare*), означающей «общее дыхание». Двойственность лексического смысла слова *Фуле* – не только хороним, но и ткань – определяет мир романа: чертежи Федора заменяются космогоническим женским рукоделием. Николев прибегал к дискурсу отвоевания европейских ценностей. Сопротивление энергии кулака предполагает телесную неприкосновенность, гиперонимическую номинацию (человек, лицо, персона). Имена персонажей введены в хронологическую ткань культуры, истории. Николев наследует секулярный проект Просвещения: универсальный Разум выражается в общем роде, предполагает нейтральное пространство для свободного обсуждения разных идей.

В § 3.4. «*Воспитательная интенция Мефистофеля: “квартирный вопрос” в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”*» воссоздается контекст фразы «<...> квартирный вопрос только испортил их», никогда не упоминавшийся в литературе о Булгакове. Михаил Александрович Берлиоз предстает в романе как «редактор толстого художественного журнала»³². Речь может идти о журналах «Будильник» и «Сатирикон» (возник на основе «Стрекозы»), в котором иногда перепечатывались материалы из «Будильника». Сатана «Будильника» является «консультантом с копытом». Согласно черновикам Булгакова (1928), одно из предполагаемых названий романа – «Копыто консультанта»³³. Мефистофель делает акцент на зависимости человека от одного репрессивного дискурса: это «квартирный вопрос». «Уложение о квартирах» связано с потусторонним миром, определяет разновидности космополитизма, регулируется товарно-денежными отношениями. От «квартирного вопроса» зависят нравы

³² Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. / подгот. текста Л.М. Яновской; коммент. Г.А. Лескиса. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 5. – С. 7.

³³ Белобровцева И.З., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. – М.: Книжный клуб 36. 6, 2007. – С. 7, 16.

литературного мира, «“желудочно-катарральное” состояние литературы»³⁴. Его решение определяют рок, лотерея, судьба.

Проблемы «уличного освещения» обсуждаются в контексте предсмертных слов Гёте: «Света! Света, побольше света! Взывалъ великій поэтъ. Того-же жаждутъ обыкновенные люди»³⁵. Речь идет о предложении мира, который не пригоден для обитания. Протяженный мир воспринимается религией как мир световых образов, и Логос выводится из образа света. В романе усматривается связь с фаустовской идеей власти над временем. Мифопоэтическое представление о «вечном возвращении» совпадает с логикой утопического проекта: пренебрежение настоящим во имя будущего Рая. Эпиграф – самоназвание Дьявола (Часть силы...») – свидетельствует о неполемическом, «утвердительном» отношении русского писателя к трагедии Гёте. Булгаков равноценно оплатил долг результатами собственных размышлений: безличное начало в словах Дьявола преодолено началом личным и деятельным.

Глава IV. «Фауст» в контексте философского и филологического типов научного познания.

§ 4.1. «Идея совершеннолетия в европейской культуре: парадигма и варианты». В § 4.1.1. «Философско-литературный синтез А. Шопенгауэра: “фаустовский человек”» весомость слова «совершеннолетие» удостоверяется асерторическим языком статьи Канта «Ответ на вопрос: Что такое просвещение» («Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?», 1784). Идея совершеннолетия связана у Шопенгауэра с художественными и научными представлениями Гёте. Имена Шопенгауэра и Гёте часто приводятся рядом. Биограф и душеприказчик философа В. Гвиннер полагал, что его переводы превосходили оригинал. В качестве примера он цитировал заключительные строки из «Пролога на небесах» в «Фаусте»³⁶. Поэзия Гёте истолковывается философом через негативные категории: несовершенство, несчастье, незримость, невозвращение. Интерпретация основывается на апофатической концепции. Философ считал, что в XIX в. западная культура окажется перед опасностью исчезновения, если не сможет по-новому организовать строй психики «фаустовского» человека. Ф. Паульсен называл «безусловно собственной мыслью Шопенгауэра» утверждение, что «воля есть сущность вещей»³⁷.

В § 4.1.2. «“Фауст” в морфологии культуры Ф. Ницше» подчеркивается, что среди сочинений философа отсутствуют аналитические «этюды», посвященные «Фаусту» Гёте. Его мысли нашли отражение в разрозненных высказываниях, кратких умозаключениях (что позволило избежать теоретической ангажированности). В «генеалогии морали» Ницше идея «совершеннолетнего

³⁴ Сатирикон. Журнал сатиры и юмора. – 1908. – № 27. – С. 15.

³⁵ Будильникъ. Сатирический еженедельный журнал с карикатурами. – 1900. – № 5. – 6 февраля. – С. 3.

³⁶ *Gwinner W.* Arthur Schopenhauer, aus persönlichem Umgange dargestellt. Ein Blick auf sein Leben, seinen Charakter und seine Lehre. – Leipzig: Brockhaus Verlag, 1862. – S. 88.

³⁷ *Паульсен Ф.* Шопенгауэр как человек, философ и учитель / пер. с нем. Т.А. Богданович. – Киев: Книгоиздат. т-во «Просвет», 1907. – С. 54.

человека» также занимает центральное место³⁸. В его морфологию культуры входят два измерения универсума, понятия с высоким уровнем обобщения – сущее и должное. Гёте воплотил цель философии Ницше на завершающем этапе: создать проект идеальной культуры и «лучшего» человека. Философ соотносил творчество Гёте с оперой. Динамический, тональный диапазон оперной роли расширяет масштаб мысли, выходит далеко за ограничения жанра. Ницше также именовал оперой жизнь человечества в ее поступательном движении. В этом слове воплощен западноевропейский дух Нового времени: «В Начале было Дело» Фауста. Музыкальная философия помогает избежать рассудочных конструкций и лексического комбинирования. Она позволяет иметь дело не с проблемами и понятиями, но с явлениями и жизнью. Ницше увидел в трагедии Гёте «воплощение самой ненародной загадки, которую задали себе новые времена в лице жаждущего жизни теоретического человека»³⁹.

В § 4.2. «*О.А.Г. Шпенглер о фаустовских этнокультурных архетипах*» показано, как мыслитель выстраивал модель типологии культур в сочинении «Закат Западного мира» («*Der Untergang des Abendlandes*», 1918). Он отмечал, что философией этой книги обязан творчеству Гёте, мир которого является организмом и существом⁴⁰. Завершение фаустовской мудрости предстает как разрешение целостного знания в огромной системе морфологического родства. Он представил в работе специфически фаустовский комплекс мыслей. Философ перечислил высокие символы исторической страсти фаустовского человека. К ним относятся исповедь и самонаблюдение, вечная забота, тяга к далям прошлого и будущего, исследование истории, обращенное назад, государство, устремленное вперед. Душевную динамику фаустовского бытия составляет триединство: мысль, чувство, воля. Данную культуру философ называл культурой воли (*Willenskultur*). Не подлежит сомнению глубокое родство характера и воли. Основное требование западных этических систем (как бы ни отличались их метафизические и практические формулы) звучит одинаково: человек должен иметь характер, который образует себя в потоке жизни. Фаустовское впечатление о человеке формирует отношение жизни к действию.

В § 4.3. «*Воля к смыслу: традиция И.В. Гёте в сочинениях Г.Г. Швиттау*» говорится о необходимости «вернуть» имя литератора, экономиста Г.Г. Швиттау (1875–1950), заслуги которого перед современным гуманитарным мышлением неизмеримы. В 1920 гг. деятели часто прибегали к литературному материалу для культурно-философских, этических, социологических выводов и обобщений. Так, Т.Г. Масарик в «Мировой революции» (1925) обратился к теме преодоления фаустовского начала. Швиттау тоже использовал стилистико-ситуационные парафразы трагедии Гёте, которую он воспринимал как историко-философскую параболу. Имя поэта, немецкая культура играли особую роль в процессе формирования мысли Швиттау. Тем более, Гёте связывал мир быто-

³⁸ Ницше Ф. Странник и его тень / пер. с нем. Е.Г. Заболоцкой // Ницше Ф. Собр. соч.: в 5 т. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – Т. 2. – С. 395.

³⁹ Ницше Ф. Рихард Вагнер в Байройте. – Т. 1. – С. 464–465.

⁴⁰ Spengler O.A.G. Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. – München: C.H. Beck Verlag, 1990. – S. 129.

вого, культурного общения с семантикой экономических категорий, что проявилось в деятельности Фауста. Этот контекст наиболее соответствовал природе интересов, убеждений, равно как и типу личности Швиттау. Ключевым в философии Швиттау является понятие «воли»: оно несет в себе экзистенциальную напряженность. Швиттау изучал «волю» как пространственно-временное явление, как феномен социальный и мифопоэтический⁴¹. Воля обладает энтелехией: императивом тождества самой себе и внутренней заданностью. Не бывает событий, внешних по отношению к человеческой воле. Данная проблема связана с теорией двойственной истины, развиваемой Д. Вико в его «Новой науке» («Scienza Nuova», 1725), а впоследствии Гёте.

В § 4.4. «*Московский лингвистический кружок: культура как синхронистический разговор*» утверждается, что для участников Московского Лингвистического Кружка (МЛК) «перевод» из технического лингвистического понятия превращается в принцип философской рефлексии, источник понимания культуры и познания. «Верный гётеанец»⁴² А.Г. Габричевский создал образ-парадигму «гётерономия», указывая на традицию Гёте. Неологизм становится ключевой комплексной метафорой представлений кружковцев о культуре. В эту регулирующую метафорическую систему входил ряд идей. Для членов МЛК представление о «внутренней форме» берет свое начало в творчестве В. фон Гумбольдта и И.В. Гёте. Поиск «внутренней формы» предполагает осмысление исходно-этимологического и семантического процесса.

Интеллектуальным контрапунктом в творчестве А.И. Ромма (1898–1943) становится конверсационный анализ, «разговор» во всей его целостности: смена речевых действий, интонации, экспрессивные звуко сочетания в живом общении, обстановка и атмосфера. Он понимал культуру как разговор, смысл которого заключается в его одновременности. В балладе «Перед судом» («Vor Gericht», 1776) Ромм воспользовался сюжетной схемой трагедии «Фауст». Поэт извлек все, что потенциально в ней содержалось. Разворачивается метафора бессилия природы человека: ему открыт мир, но скрыты истоки тайных движений собственной души.

В § 4.5. «*Морфологическая поэтика И.В. Гёте в теории В.Я. Проппа: дихотомия структуры и живого движения*» отмечается, что определение морфологии Пропп заимствовал у Гёте. Именно в сочинениях немецкого классика теоретическая проблема становилась внутренним переживанием.

В «Морфологии сказки» сосуществуют две концепции порядка. Таксономический принцип построений в учении Линнея вступает в спор с органической, телеологической теорией структуры Гёте. Таксономия, в отличие от типологии, претендует на исчерпывающую завершенность. Функциональная модель Проппа сопротивляется таксономическому принципу. На биологические условия влияют различные причины, ускользающие от власти человека. В

---

⁴¹ Проф. Г.Г. Швиттау. Соціально-економічні очерки. – Одесса: Книгоизд-во А.А. Ивасенко, 1918. – С. 15.

⁴² Габричевский А.Г. Морфология искусства / сост., введ., примеч. и коммент. Ф.О. Стукалова-Погодина. – М.: Аграф, 2002. – С. 86.

работе имплицитно противопоставлено научное видение мира, соответствующее классифицирующим предикатам, и художественное видение. В.Н. Перетц считал работу Проппа развитием идей Гёте, наряду с идеями А.Н. Веселовского и «почасти Ж. Бедье»⁴³. Перетц определял развитие Веселовского и Проппа как путь от истории культуры к истории поэтической формы. Наблюдения Проппа превратились в полноценную систему поэтики. Раскрытие явлений предполагает философские размышления, скрытые в пяти эпитафиях из Гёте.

Глава V. «Комментарий и переводческая практика».

В § 5.1. «Три типа перевода в представлении Гёте и его контекстуальные ступени» рассматривается утверждение писателя, что всякий текст переводим на другой язык – приблизительно или точно. В переводе оригинал не только себя воспроизводит, но и «растет». Гёте считал воссоздание системы произведения в другом языке регенерацией, усилением.

Поэт оставил свидетельства об усилиях переводчиков прошлого. Он изучал чужие переводы, делал свои, занимался проблемой переводческого творчества в философии, следил за переводами «Фауста» на европейские языки. Писатель выделил три вида перевода: прозаический – с главенством содержания (Библия в переводе Мартина Лютера); пародийный – с главенством формы (сочинения К.М. Виланда) и перевод с идеальной гармонией формы и содержания, примеров которого Гёте не нашел. Представления Гёте о третьем типе перевода являются эталонными и «экспертными». Они служат мерой будущим авторам.

Гёте приводит в разных сценах одни и те же строки (семантические аксиомы). Переводчику не следует избегать лексических повторов, употребляя при вторичной номинации синонимы, родовое название либо местоименные элементы. Необходимо учитывать *энантисемию*: поляризацию значений и их синтез. В пространстве трагедии «разлита» диминутивность, она определяет ее тональность и общий смысловой фон. При переводе важно сохранить экспансию уменьшительных суффиксов в речи Мефистофеля. Гипертрофированной выглядит апеллятивная функция. Текст обретает «императивный» контур: язык как сила созидает реальность. Установка не на отражение деталей, а на гиперонимы (и значит, на упрощение поэтических ситуаций) приведет к редукции поэтических смыслов. Текст будет «развиваться» в направлении, не предусмотренном оригиналом.

В § 5.2. «“Фауст” А.М. Овчинникова как источник реконструкции славянской культуры» отмечается, что данный перевод не «присвоен» русским литературным корпусом. Существует единственное прижизненное издание⁴⁴. Можно предположить, что рижский писатель вышел из семьи старообрядцев, фамилия «Овчинников» была типичной в этой среде. К тому времени в Балтийском и Северном Поморье сложились крупные старообрядческие общины.

⁴³ *Акад. Володимир Перетц. Нова метода вивчати казки // Етнографічний вісник / за головним редагуванням акад. Андрія Лободи у Києві. З друкарни Всеукраїнської академії наук. – Киев, 1930. – Кн. 9. – С. 195.*

⁴⁴ *Фаустъ. Полная немецкая трагедия Гёте, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым. – Рига, 1851. – Часть вторая, в 5 действиях.*

Критики восприняли перевод как ложную, деформированную копию. Овчинников создал натурализованный перевод (*einbürgernde Übersetzung*), или «дающий права гражданства»⁴⁵. Семантическая структура сюжета имеет глубокие корни в фольклоре и в нравственно-назидательной традиции. Этот архаический иконографический пласт и морализаторские сочинения (притчи, слово-толковники, сборники эмблем и символов) известен многочисленным зрителям «из немудрящих». Овчинников на основе немецкого текста создал концепцию славянства, в которой доминируют такие категории как дух, предназначение. Он отдавал предпочтение первожданности языка Поморья, который хранит подлинно славянский дух. Перевод сообщает важную историко-культурную информацию: здесь воплощен *северорусский комплекс культуры*. Овчинников создал особую «переводческую» форму: эпический теопозис. Мир северных мифов «стягивается» вокруг олимпийцев, их приключений и метаморфоз. Поэтика «вольнопереведенной» трагедии в немалой степени ориентирована на гомеровский эпос.

Язык перевода стал не *ино-язычием*, но *косно-язычием*. Оно чревато погружением в состояние «томления по пониманию». По-настоящему переводчик «совпадает» с Гёте именно в переживании вдохновения, возможности свободного движения по неукоснительным путям культуры.

В § 5.3. «*Summa europeica M. Семперверо*» анализируется творчество Михаила Четверикова, несправедливо забытого переводчика XIX века. Поэт использовал латинско-итальянский гетероним Семперверо, имеющий музыкальную этимологию. Он состоит из двух основ (лат. *semper*, итал. *vero*) и переводится *всегда истинно*. Принципиальная особенность этой публикации заключается в установке не на один «канонический» текст, а на корпус текстов. Она являет собой пример «переводной множественности»⁴⁶. Семперверо дал образцы переводов трагедии – русских (М. Вронченко, Э. Губер, А. Струговщиков, И. Греков); французских (А. Блаз де-Бюри, Ж. де Нерваль), английского (А. Гоуард). Он предложил новый тип гибридного издания, научного по своим задачам, и включил историю произведения (варианты переводов, своих и чужих). Автор выполнил работу ученого-интерпретатора и редактора-составителя: это прием одновременно исследовательский и писательский. Соображения переводчика, облеченные в свободную форму, созвучны поискам академическим. При всей внутренней гетерогенности данный текст обладает свойствами идеального образования. Возникает литературная ткань как органический процесс и разрастание первоструктуры. Она облекается все новыми переводами. Лейтмотивы, паронимические ряды, поправки автора, графические знаки превращают текст в аналог партитуры.

В § 5.4. «*Антропоцентричность как принцип перевода: “Фауст” К.А. Иванова*» изучается рукопись, опубликованная в 2006 г. Она приближает

⁴⁵ Lorenz S. *Übersetzungstheorie, Übersetzungswissenschaft, Übersetzungsforschung // Grundzüge der Literaturwissenschaft / hrsg. von H.L. Arnold, H. Detering. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2001. – S. 557.*

⁴⁶ Термин Ю.Д. Левина. См.: *Левин Ю.Д. Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. – М.: Прогресс, 1992. – С. 213–223.*

читателей к возможной полноте корпуса переводов трагедии. «Антропоцентричность» является ключевым понятием в творчестве Иванова, символом идей перевода в их совокупности. При воплощении замысла ориентирами переводчика стали реальные адресаты. Круг единомышленников играет роль невидимых собеседников и референтных инстанций, участвует в поэтическом событии – в создании образов, в отборе интонаций. Трагедия обретает автобиографический подтекст. Далекий от «идолатрического отношения» к «Фаусту», Иванов предполагал в трагедии Гёте педагогичность классического образца, включил его в свой проект просвещения. Последний директор Царскосельской Императорской Николаевской гимназии был призван к делу просветительским складом мирозерцания. Иванов подошёл к переводу, имея опыт историка. Труды Иванова по медиевистике составили «пренатальную» биографию его «Фауста». В творческом сознании и поэтической картине мира переводчика возникают аналогии со стилевыми явлениями русской литературы, с их ритмико-грамматической основой. Иванову было присуще стремление отражать разные стихии речи (бытовой язык, тот, который соответствует литературной задаче, и т.д.). Благодаря ярко выраженному поэтическому темпераменту он передаёт экспрессивность – божественный экстаз, бесовское искушение, несвободу от инстинктов и страстей – через неправильность, нарушение конвенциональных норм. Автор органично соединяет архаический антураж и народное просторечие.

§ 5.5. «Переводы для сценической постановки». В § 5.5.1. «Танцевальная поэма Г. Гейне “Доктор Фауст”» анализируется сочинение, созданное писателем в период между двумя революциями. Гейне рассматривал идею Фауста в контексте конфессиональной эпохи (европейской Реформации). Поэма, таким образом, имеет актуальное историософское содержание. В ней ставится вопрос, возможно ли с помощью догматической одержимости осуществить переход к «освободительному энтузиазму», переживая эмоциональную и практическую двойственность между наслаждением благами и их аскетическим отрицанием, между властью и свободой духа, между действием и созерцанием. Драматургия о Фаусте не предназначалась предшественниками Гейне для воплощения на балетной сцене. Он первый выступил с этим материалом как балетный сценарист. «Доктор Фауст» создан в форме «танцевальной поэмы» – хореографического представления из пяти действий. Аксиологию замысла помогает понять присутствующая писателю уникальная рефлексивность. Она проявлялась в «филологизме», в стремлении к «антологизации»: перечислении источников, замечаниях, обрамлениях. В полемически усиленной форме Гейне допускал конфликтность толкования трагедии предшественника. В частности, он сомневался в серьезном значении фольклорного материала для Гёте, проявлявшего, по мнению Гейне, особый интерес к одному ареалу: к мифологии древней Греции и Рима. Культ разума, считал Гейне, привел к демифологизации трагедии Гёте, который использует мифологический образ как аллегория, условную фабулу, наполняемую философским содержанием. Гейне, в свою очередь, подчеркивал уникальность форм мифопоэтического мышления.

В обострении конфликта с интерпретацией образа Фауста у Гёте Гейне нашел возможность его развития в плане и содержания и формы. Писатель создал своеобразную мистерию искушения танцем. В поэме антиномичное смысловое единство составляют запрещаемые танцы эпохи Реформации и балет персонажей поэмы, имеющий роковой, наступательный характер неуправляемой силы. Он соотносится с плясками смерти старинных легенд и образует устойчивую эмоциональную среду в художественном словаре автора. Танец и религиозные образы оказываются в одном аксиологическом контексте: идея может подчинить себе естественное начало, разрушить единство с жизнью вещей и природы, искушение связано с возмездием.

Особое внимание уделено финалу поэмы, в котором очевидно очередное отталкивание от развязки трагедии Гёте. Гейне выделяет сотериологический аспект – мотив осуждения, спасения – и не принимает «оправдательный» финал, отрицает идею апокатастасиса, всеобщего спасения.

В § 5.5.2. «Новонайденный перевод “Фаустъ и Маргарита Гёте” под монограммой Н.Б.» рассматривается неизвестный автограф перевода «Фаустъ и Маргарита Гёте», «съ немецкой переделки для сцены» (1880), обнаруженный нами в отделе редких книг Научной библиотеки Казанского университета. Безымянный сочинитель скрылся за монограммой. Перевод логичнее включить в контекст переделок для сцены, оперных либретто и балетных сценариев. Либретто отступает от литературного первоисточника, от академических ссылок на классическое наследие. Текст сокращен, и это меняет смысловые акценты. Таким образом, вопросы точности в данном случае вторичны. Перевод интересен другим: он демонстрирует набор приемов, которые казались достаточными и убедительными для сценического воплощения. Автор с помощью своеобразного «удвоения» создает эффект «плеоназма». Примыкающие друг к другу буквы в монограмме Н.Б. образуют диграф. В диаде заглавия «Фаустъ и Маргарита Гёте» имя писателя создает «уравновешенную» асимметрию. Эффекту «плеоназма» способствуют жанровые и стилистические приемы: паремическая мифология, набор фабульных клише, редупликация, итерация, эмфатический стиль. Звук, морфема, слово, синтагма, предложение (и более пространные фрагменты текста) захвачены разного рода повторами – вплоть до семантического уподобления концептов и символов. Н.Б., вступая в сотворчество с Гёте и с автором «немецкой переделки», соотносил свой перевод с отечественной культурой. Возникает двойная сопоставленность текста, «интерференция» двух мировоззренческих перспектив.

Комплементарный ряд создают исправления, сделанные другим почерком. Они предстают в качестве метатекста (поэтологического метаязыка). Справщик сглаживает дилетантскую неискушенность, общую беспокойность речевой манеры. Для его доработок характерно движение к лаконичности и обобщенности: отсюда сокращения, вымарывание удвоений, палилогов, этимологических фигур, энклитиков. Текст с многочисленными поправками предстает как «открытое произведение».

В **Заключении** излагаются результаты исследования. Они подтверждают положения, вынесенные на защиту. Намечаются перспективы изучения темы. В Приложении представлен авторский подход к осмыслению перевода трагедии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК

1. Васильева Г.М. «Стать притчей во языцех»: Образ Гёте и образы «Фауста» в прозе А.П. Чехова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: СОРАН, 2009. – № 4. – С. 19–22 (0,7 п.л.).
2. Васильева Г.М. Образ Гёте в прозе И.А. Гончарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – Волгоград, 2010. – № 2 (46). – С. 188–192 (0,7 п.л.).
3. Васильева Г.М. К истории первого перевода «Фауста» Гёте // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». – Чита: ЗабГГПУ, 2010. – № 3 (32). – С. 43–50 (0,7 п.л.)
4. Васильева Г.М. И.В. Гёте о морфологии языка // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, востоковедение». – Чита: ЗабГГПУ, 2010. – № 2 (22). – С. 96–99 (0,6 п.л.).
5. Васильева Г.М. Опыт Гёте для гуманитарного образования XXI века // Вестник НГУЭУ. – Новосибирск, 2011. – № 2. – С. 212–219 (0,6 п.л.).
6. Васильева Г.М. Кемпер Дирк. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – № 2 (37). – С. 213–215 (0,5 п.л.).
7. Васильева Г.М. Испанская идея поэта А.И. Ромма // Идеи и идеалы. Научный журнал. – Новосибирск: СОРАН, 2011. – № 2(8). – Т. 1. – С. 127–140 (0,8 п.л.).
8. Васильева Г.М. К истории одного «этноцентрического» перевода: «Фауст» А.М. Овчинникова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2012. – № 3. – С. 54–61 (0,8 п.л.).
9. Васильева Г.М. Мифопоэтическая триада «Мысль – Слово – Дело» // Идеи и идеалы. Научный журнал. – Новосибирск: СОРАН, 2012. – № 2 (12). – Т. 1. – С. 143–157 (0,8 п.л.).
10. Васильева Г.М. «Говорение сердцем»: образ И.В. Гёте в прозе И.А. Бунина // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, востоковедение». – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – № 4 (32). – С. 99–102 (0,6 п.л.).
11. Васильева Г.М. Перевод как текст-интерпретация // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – Ижевск: УдГУ, 2012. – Вып. 4. – С. 55–66 (0,9 п.л.).
12. Васильева Г.М. Идея «гётерономии» в эстетике Московского лингвистического кружка // Идеи и идеалы. Научный журнал. – Новосибирск: СОРАН, 2013. – № 3. – Т. 2. – С. 116–127 (0,8 п.л.).
13. Васильева Г.М. Идея «интеллектуального совершеннолетия» в европейской культуре: парадигма и варианты // Вестник НГУЭУ. – Новосибирск, 2013. – № 4. – С. 310–321 (0,9 п.л.).

14. Васильева Г.М. Идея «мирового хозяйства»: традиция Гёте в сочинениях Г.Г. Швиттау // Вестник НГУЭУ. – Новосибирск, 2014. – № 4. – С. 233–243 (0,7 п.л.).
15. Васильева Г.М. «Фауст и Маргарита Гёте»: неизвестный перевод под монограммой Н.Б. // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 164–172 (0,8 п.л.).
16. Васильева Г.М. Когнитивная модель мышления и морфологическая поэтика // Вестник НГУЭУ. – 2014. – № 3. – С. 247–258 (0,9 п.л.).
17. Васильева Г.М. Необыкновенный собеседник: «Возвращение доктора Фауста» Э.Л. Миндлина // Идеи и идеалы. Научный журнал. – Новосибирск: СОРАН. – 2015. – № 1. – Т. 1. – С. 91–104 (0,9 п.л.).
18. Васильева Г.М. Танцевальная поэма Г. Гейне «Доктор Фауст»: аксиология замысла // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. – № 53. – С. 164–179 (1,1 п.л.) (*индексируется в Web of Science*)
19. Васильева Г.М. Аксиология перевода трагедии «Фауст» в контексте русско-европейских межкультурных связей // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, востоковедение». – Чита: ЗабГУ, 2020. – Т. 15. – № 5. – С. 8–15 (0,9 п.л.).
20. Васильева Г.М. Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К.А. Иванова // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, востоковедение». – Чита: ЗабГУ, 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 36–45 (0,9 п.л.).

Монография

21. Васильева Г.М. «Фауст» Гёте и семантический комплекс европейской культуры. Часть 1. – Новосибирск: НГУЭУ, 2012. – 604 с. (70 п.л.).

Глава в монографии

22. Васильева Г.М. Фаустовский сюжет в романе «Обломов» // «Обломов» И.А. Гончарова: комплексное исследование романа: коллект. моногр. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 93–99 (0,5 п.л.).

Учебные пособия

23. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте. К проблеме жанрового мышления: учебное пособие. – Новосибирск: НГПУ, 1994. – 88 с. (5 п.л.).
24. Васильева Г.М. Кросс-культурные коммуникации в европейском и азиатском пространствах: курс лекций. – Новосибирск: НГУЭУ, 2020. – 199 с. (11,63 п.л.).
25. Васильева Г.М. История европейской ментальности: учебное пособие. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 228 с. (28, 5 п.л.).

Переводы

26. Васильева Г.М. Шлегель Ф.В. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / пер. с нем.; собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 47–70 (2 п.л.).
27. Шпидлик Т. Путь духа / пер. с итал., послеслов. Г.М. Васильевой. – Полоцк-Брест: Сафія, 1999. – 176 с. (10,23 п.л.) [Пер. с изд.: Tomas Spidlik. Il cammino dello Spirito. Roma: Lipa, 1995. 155 p. Pubblicazioni del Centro Aletti].

Публикации в других изданиях

28. Васильева Г.М. Научная сессия, посвященная 250-летию со дня рождения Г.Э. Лессинга // Филологические науки. – 1979. – № 5 (113). – С. 95–96 (0,2 п.л.).

29. Васильева Г.М. Реальный комментарий // Гейне Г. Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А.С. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 6: Проза 1840–1850-х гг. Письма. – С. 386–437 (4 п.л.).
30. Васильева Г. М. Жанровые аспекты итальянской темы в русской литературе XIX века // Проблемы литературных жанров: материалы VI науч. межвузовской конф., 7–9 декабря 1988 г. / под ред. Ф.З. Кануновой. – Томск: ТГУ, 1990. – С. 124–126 (0,3 п.л.).
31. Васильева Г.М. «Римский карнавал» и тема праздника в творчестве Гёте // Гётевские чтения / отв. ред. С.В. Тураев. – М.: Наука, 1991. – С. 70–79 (0,7 п.л.).
32. Васильева Г.М. Образ Гёте в культуре Серебряного века // Время Дягилева. Универсалии серебряного века: Третьи Дягилевские чтения: материалы. – Пермь: ПГУ, Арабеск, 1993. – Вып. 1. – С. 35–43 (0,7 п.л.).
33. Васильева Г.М. «Ревизор» Н.В. Гоголя: от «Филокалии» до «Фауста» // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. 10–11 октября 2000 г. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – Ч. 1. – С. 45–52. (0,5 п.л.).
34. Васильева Г.М. Подстрочник и литературный перевод: лингвокультурологический анализ фразеологии в «Фаусте» И.В. Гёте // Проблемы идиоэтнической фразеологии / под ред. Н.Н. Кирилловой. – СПб.: РГПУ, 2001. – Вып. 4. – С.15–17 (0,2 п.л.).
35. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте: опыт перевода и текстологии // Язык. Культура. Человек. Этнос: материалы III междунар. конф. (7–9 октября 2002 г.): посвящен юбилею Е.А. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2002. – С. 150–154 (0,3 п.л.).
36. Васильева Г.М. Опыт перевода трагедии Гёте «Фауст» // Русское слово в мировой культуре: X Конгресс МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.: сб. докл.: в 4 т.– СПб.: Политехника, 2003. – Т. 1. Развитие русского самосознания и история литературы XIX–XX веков. – С. 200–210 (0,7 п.л.).
37. Васильева Г.М. Ipse dixit: Образ И.В. Гёте в прозе А.П. Чехова // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской науч. конф. 2–3 октября 2002 г. – Екатеринбург: УрГУ, 2004. – С. 66–68 (0,2 п.л.).
38. Васильева Г.М. «Стрела времени» в «Фаусте» И.В. Гёте // Этногерменевтика и антропология / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово; Landau: Empirische Pädagogik, 2004. – С. 30–34 (0,3 п.л.) (Reihe: Ethnohermeneutik und Anthropologie. Bd. 10. Hrsg. der Reihe H. Barthel).
39. Васильева Г.М. Библейский образ Начала в «Фаусте» И.В. Гёте // Библия и национальная культура: Межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н.С. Бочкарева. – Пермь: ПГУ, 2005. – С. 127–130 (0,4 п.л.).
40. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте в русской прозе (А.П. Чехов, И.А. Бунин, В.В. Набоков) // The tireless seeker = Неуморният търсач: Сборникът се посвещава на 30-годишната преподавателска и научноизследователска работа на доц. д-р Ивайло Петров. – Шумен: Аксиос, 2005. – С. 204–214 (0,6 п.л.).
41. Васильева Г.М. «Хор блаженных младенцев» в русской и европейской традиции» // Духовные начала русского искусства и образования: Материалы V Всероссийской науч. конф. с междунар. участием / сост. А.В. Моторин. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. – С. 250–258 (0,5 п.л.).

42. Васильева Г.М. Грамматика как основа мысли в «Фаусте» И.В. Гёте // И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: тр. и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: КГУ, 2006. Т. 1. – С. 21–25 (0,3 п.л.).
43. Васильева Г.М. Концепционный комментарий: «Фауст» И.В. Гёте в культурном пространстве романа Е. Замятина «Мы» // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. Материалы II Междунар. науч. конф., 16–17 ноября 2006 г. / ред.-сост. С.И. Кормилов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. – С. 398–400 (0,3 п.л.).
44. Васильева Г.М. Мудрость как дитя Господне в «Фаусте» И.В. Гёте // Мировая словесность для детей и о детях / науч. ред. И.Г. Минералова. – М.: МПГУ, 2006. – Вып. 11. – С. 162–165 (0,3 п.л.).
45. Васильева Г.М. Принцип синхронии и синтез в «Фаусте» И.В. Гёте // Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы VI научно-практич. конф., посвященной памяти А.Ф. Лосева / науч. ред. И.Г. Минералова. – М.: МПГУ, 2006. – С. 163–167 (0,4 п.л.).
46. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте: вопросо-ответное пространство трагедии // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / редкол.: Г.Н. Ермоленко (отв. ред.), В.С. Ковалева, М.В. Ливанова. – Смоленск: СмолГУ 2006. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 36–39 (0,3 п.л.).
47. Васильева Г.М. Трагедия И.В. Гёте «Фауст» на рубеже XX–XXI веков (испытание поэтической энергии слова) // Материалы II Междунар. науч. конф. «Сравнительное литературоведение». – Баку: БСУ, Азербайджанская ассоциация литературной компаративистики, 2006. – С. 120–123 (0,2 п.л.).
48. Васильева Г.М. «Посвящение» и «Пролог» к «Фаусту» И.В. Гёте (опыт перевода и комментария) // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы междунар. науч. конф. 12–15 апр. 2006 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С.120–127 (0,4 п.л.).
49. Васильева Г.М. «Пролог на небе» в «Фаусте» И.В. Гёте (из опыта перевода) // Кормановские чтения. Материалы науч. межвуз. конф. (апрель 2006 г.) / сост. Н.С. Измestьева, Д.И. Черашняя. – Ижевск: УдГУ, 2006. – Вып. 6 – С. 33–37 (0,6 п.л.).
50. Васильева Г.М. Опыт перевода «Фауста» И.В. Гёте (лингво-культурологический аспект) // Глобальный кризис: метакультурные исследования. Материалы междунар. науч. симпозиума «Глобальный культурный кризис Нового времени и русская словесность» памяти Андрея Тарковского: в 2 т. 3–4 апреля 2006 г. / гл. ред. И.Ю. Добродеева. – Шуя: ШГПУ; Киноассоциация, 2006. – Т. 2. – С. 349–354 (0,4 п.л.).
51. Васильева Г.М. Символ и образ нити в трагедии И.В. Гёте «Фауст» // Русистика и современность. Литературоведение. Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. 4–7 октября 2006 г. – Одесса: Астропринт, 2007. – С. 91–96 (0,4 п.л.).
52. Васильева Г.М. Образ текста-тканья в «Фаусте» И.В. Гёте // Язык и культура. – Киев: Издат. Дом Дмитрия Бураго, 2007. – Вып. 9. – Т. IX (97). Художественная литература в контексте культуры. – С. 101–105 (0,4 п. л.).
53. Васильева Г.М. Инфантильный модус у «Фаусті» Гёте // Іноземна філологія. Український науковий збірник. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2007. – Випуск 119. – С. 132–136 (0,4 п.л.) (на укр. и англ. языках).

54. Васильева Г.М. Два Пролога к «Фаусту» И.В. Гёте как синтетическое целое // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы VII научно-практич. конф., посвященной памяти Алексея Федоровича Лосева / отв. ред. А.Е. Секриеру. – М.: МПГУ, 2007. – С. 126–131 (0,3 п.л.).
55. Васильева Г.М. Фауст» И.В. Гёте: возрасты жизни и практика духовного водительства // Диалог культур – культура диалога: материалы междунар. науч.-практич. конф. 3–7 сентября 2007 г. / отв. ред Л.Н. Ваулина. – Кострома: КГУ, 2007. – С. 58–63 (0,4 п.л.).
56. Васильева Г.М. Словесный мир «Фауста» И.В. Гёте в современной русской поэзии // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй междунар. науч. конф.: в 2 т. 24–26 апреля 2007 г. – Волгоград: ВолГУ 2007. – Т. 2. – С. 312–317 (0,4 п.л.).
57. Васильева Г.М. Слово и «соблазн» слова в «Фаусте» И.В. Гёте // Problemy wspolczesnej comparatystyki. / pod redakcia Haliny Chalacinskiey-Wiertelak. – Poznan: Instytut Filologii Rosyjskiej, 2007. – Т. 3. Konteksty literatury I kulturi rosyjskiej. – С. 119–126 (0,6 п.л.).
58. Васильева Г.М. Слово и драма сознания (из опыта перевода трагедии И.В. Гёте «Фауст») // Мир русского слова и русское слово в мире: в 6 т. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. / под ред. И. Владовой, Вл. Манчева. – Sofia: Heron Press, 2007. – Т. 5. Русский язык в сопоставлении с другими языками. Перевод – взаимодействие языков и культур. – С. 304–309 (0,6 п.л.).
59. Vasilyeva G. Die Übersetzung als linguoontologische Analyse im Deutschunterricht («Faust» von Goethe) // Der IDV-Tagung «Deutsch in Zentral- und Ostasien: Erfahrungen, Partnerschaften und neue Herausforderungen der Zeit» (04.–08. Juni 2007) / hrsg. von A.S. Karpov. – Ulan-Ude: DAAD, 2007. – S. 140–143 (0,3 п.л.).
60. Васильева Г.М. О языковом оптимизме «Фауста» Гёте // Мир – Язык – Человек. Материалы Междунар. научно-практ. конф. (27–29 марта 2008 г.), посвященной 45-летию факультета иностранных языков. – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 190–192 (0,2 п.л.).
61. Васильева Г.М. От комментария к переводческой практике (опыт перевода трагедии И.В. Гёте «Фауст») // Русистика 2008. Язык, коммуникация, литература, культура. Сб. статей, посвящен. 35-летию созд. русистики в Шуменском университете / ред. доц. д-р Елена Стоянова. – Шумен: Университетско издателство Епископ Константин Преславски, 2008. – С. 62–73 (0,6 п.л.).
62. Васильева Г.М. Опыт перевода и комментария трагедии И.В. Гёте «Фауст» // Сборник Матице Српске за Славистику. – Белград, Нови Сад: Matica Serbica Department of Literature and Language, 2008. – № 74. – С. 35–49 (1 п.л.).
63. Васильева Г.М. Алиментарный мотив в «Фаусте» И.В. Гёте (из опыта перевода двух сцен трагедии // Мова і культура. – Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008. – Вып. 10. – Т. 11. – С. 187–193 (0,5 п.л.).
64. Васильева Г.М. Образ и символ рода в «Фаусте» Гёте // Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: Избранные доклады и тезисы / под общей ред. И.Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2008. – С. 296–297 (0,2 п.л.).
65. Васильева Г.М. «Образотворение» в «Фаусте» И.В. Гёте (подстрочник и литературный перевод) // Актуальные проблемы литературы и культуры: в 2 ч. – Ереван: Лингва, 2008. – Ч. 2. – С. 94–98 (0,5 п.л.).

66. Васильева Г.М. Опыт перевода «Фауста» И.В. Гёте: лингвокультурологический аспект // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы междунар. научно-практич. конф. 14–18 мая 2008 г. – Салоники: Ситония Порто Карас. 2008. – С. 47 (0,1 п.л.).
67. Васильева Г.М. Образ текста-тканья и символ рода в «Фаусте» Гёте (из опыта перевода) // 2-nd International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian literature, 2008. – P. 232–239 (0,7 п.л.).
68. Vasilieva G. The Image of Text-Weaving and a Genus Symbol in Goethe's «Faust» (from the translating experience) // 2 International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2008. – P. 67 (0,1 п.л.) (на груз. яз.).
69. Васильева Г.М. Из опыта перевода и комментария трагедии И.В. Гёте «Фауст» // Sjani. Annual Scientific Journal of Literary Theory. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. – 2008. – № 8. – С. 130–143 (0,8 п.л.).
70. Васильева Г.М. Сцена «Вечер» в «Фаусте» И.В. Гёте (Из опыта перевода) // Труды междунар. Форума по проблемам науки, техники, образования: в 3 т. / под ред. В.А. Малинникова, В.В. Вишневого, Н.А. Садовского. – Т. 1. – М.: Академия наук о Земле, 2008. – С. 143–145 (0,2 п.л.).
71. Васильева Г.М. Пафос наименования в «Фаусте» И.В. Гёте // Имя. Социум. Культура: материалы Второй Байкальской междунар. ономастической конф. (4–6 сентября 2008 г.). – Улан-Удэ: БГУ, 2008. – С. 181–183 (0,2 п.л.).
72. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте: к проблеме «высокой связности» текста. // Материалы XXXI зональной конференции литературоведов Поволжья: в 3 ч. 16–17 мая 2008 г. – Елабуга: ЕГПУ, 2008. – Ч. 3. – С. 53–57 (0,4 п.л.).
73. Васильева Г.М. Аугментативы-диминутивы в языковом сознании (на материале творчества И.В. Гёте) // Язык и ментальность. Междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. Материалы докладов и сообщений: в 2 т. 14–15 мая 2009 г. / науч. ред. Э.Д. Сулейменова. – Алматы: Ун-т аль Фараби, 2009. – Т. 1. – С. 102–107 (0,4 п.л.).
74. Васильева Г.М. Трагедия И.В. Гёте «Фауст» (из опыта перевода и комментария) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Филологические науки». – 3 (25) 2008. – С. 116–121 (0,6 п.л.).
75. Васильева Г.М. Смысл и переводное соответствие (на примере творчества И.В. Гёте) // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии. Материалы II междунар. Конгресса. 1–3 октября 2009 г. / отв. ред. Н.Ж. Шаймерденова. – Астана: Фонд Русский мир, 2009. – С. 683–689 (0,5 п.л.).
76. Васильева Г.М. Перевод как феномен славянской культуры // Славянские языки и культуры в современном мире». Междунар. симпозиум. 24–26 марта 2009 г. – М: Изд-во Московского ун-та, 2009. – С. 143–145 (0,3 п.л.).
77. Васильева Г.М. «Окраска этоса» в «Фаусте» И.В. Гёте (из опыта перевода) // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: Материалы междунар. научно-практич. конф. – М.-Салоники: Центр исследования и развития греческой культуры стран Причерноморья, Изд-во Московского ун-та, 2009. – С. 108–114 (0,4 п.л.).
78. Васильева Г.М. Смысл как объект мифопоэтической и онтологической этимологии (из опыта перевода трагедии И.В. Гёте «Фауст») // Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл. Материалы II междунар. конф. 1–3 октября 2009 г. / под общ.

- ред. Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2009. – С. 63 (0,1 п.л.).
79. Васильева Г.М. Сцена «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге» в структуре трагедии И.В. Гёте «Фауст» // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / редкол.: Г.Н. Ермоленко (отв. ред.), В.С. Ковалева, М.В. Ливанова. – В 2 ч. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 42–49 (0,4 п.л.).
  80. Васильева Г.М. «Фаустовский» мотив в романе Е.И. Замятина «Мы» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Сюжет, мотив, история / отв. ред. Е.К. Ромодановская, И.В. Силантьев. – Новосибирск: Наука, 2009. – Вып. 8. – С. 120–131 (0,7 п.л.).
  81. Васильева Г.М. Энантиодромия как образ бытия в «Фаусте» И.В. Гёте // Запад и Восток: экзистенциальные проблемы в зарубежной литературе и искусстве: материалы междунар. науч. конф. 2–4 октября 2008 г. / редкол.: Т.Г. Боголепова, М.И. Жук, К.Г. Санина. – Владивосток: Морской гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. – С. 102–109 (0,5 п.л.).
  82. Vasil'eva Galina M. «Creation d'une langue» en traduction: l'exemple de la traduction de *Faust* de J.W. von Goethe // La Traduction: Philosophie, Linguistique et Didactique. Travaux Recherches / T. Milliaressi (ed.). – Lille: Universite Charles-de-Gaulle – Lille 3, 2009. – P. 277–281 (0,7 п.л.).
  83. Васильева Г.М. О гётевской реминисценции в очерке И.А. Гончарова «Иван Савич Поджабрин» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы междунар. науч. конференции. 30–31 октября 2009 г. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – С. 195–196 (0,3 п.л.)
  84. Васильева Г.М. О ренессансной идее живописности в творчестве И.В. Гёте // Дживелеговские чтения. – Ереван: Лингва, 2009. – Вып. А. – Ч. 2. – С. 115–125 (0,7 п.л.).
  85. Васильева Г.М. «Фауст» Гёте в прозе И.А. Гончарова // Нарративные традиции славянских литератур: повествовательные формы Средневековья и Нового времени / отв. ред.: Е.К. Ромодановская, И.В. Силантьев. – Новосибирск: СОРАН, 2009. – С. 100–118 (0,5 п.л.).
  86. Васильева Г.М. Гёте и Шиллер о литературе как форме ментальной активности // Международный Конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-ов 29 сентября – 1 октября 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2010. – Вып. VI. – С. 246–248 (0,3 п.л.).
  87. Васильева Г.М. И.В. Гёте об эталоне перевода // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник науч. трудов. по материалам V Междунар. научно-методич. конф., посвященной 50-летию РУДН. 15–16 апреля 2010 г. / под ред. Н.Н. Гавриленко – М.: РУДН, 2010. – С. 20–27 (0,4 п.л.).
  88. Васильева Г.М. Поэт Александр Ромм в поисках сущности культуры // II Congreso Internacional «La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas»: in 2 t. 8–10 de septiembre de 2010. – Granada, 2010. – Т. 2. – С. 1108–1113 (0,5 п.л.).
  89. Васильева Г.М. «Часть» и «целое» в переписке Гёте и Шиллера // XVIII век: литература как философия, философия как литература: (сб. ст. VII междунар. конф., 25–27 марта 2010 г.) / редкол.: Н.Т. Пахсарьян, М.Ю. Осокин, Е. Иванова-Гледель. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 97–105 (0,6 п.л.).

90. Васильева Г.М. Лингвориторическая парадигма (из опыта перевода трагедии И.В. Гёте «Фауст») // 3-nd International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2010. – С. 124–134 (0,8 п.л.).
91. Васильева Г.М. И.В. Гёте о языке и об идее символической парадигматики // Диалог культур – Культура диалога. Материалы междунар. научно-практич. конф. Кострома, 6–10 сентября 2010 г. / ред. Л.Н. Ваулина. – Кострома – Дармштадт – Минск – Могилев – Познань – Ванадзор: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 63–65 (0,3 п.л.).
92. Васильева Г.М. Искусство «сроднения слов»: об одном неизвестном переводе «Фауста» И.В. Гёте // Труды междунар. Форума по проблемам науки, техники и образования: в 2 т. / под ред. В.А. Малинникова, В.В. Вишневого, Н.А. Садовского. – М.: Академия наук о Земле, 2009. – Т. 1. – С. 54–55 (0,3 п.л.).
93. Васильева Г.М. «Забывтый текст»: «Фауст» в переводе А. Овчинникова // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II Междунар. научно-практич. конф. (к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова). 28–30 апреля 2010 г. Салоники (Греция). – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. – С. 100–105 (0,4 п.л.).
94. Васильева Г.М. Образ мастерства в творчестве И.В. Гёте и Л.Н. Толстого // Материалы к словарю сюжетов русской литературы. Сюжеты и мотивы в лирике и эпике / отв. ред. И.В. Силантьев. – Новосибирск: СО РАН, 2010. – Вып. 9. – С. 92–100 (0,6 п.л.).
95. Vasileva G. The Motive «Ex ungue leonem» (on the material of I.W. Goethe's and Tolstoy's works) // IV International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism The Epoch of Classical Realism 19-th Century Cultural and Literary Tendencies. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2010. – P. 48–49 (0,2 п.л.).
96. Васильева Г.М. Феномен «Знакомства слов» (о неизвестном переводе «Фауста» И.В. Гёте) // I Международная научно-практическая интернет-конференция «Русский язык@ Литература@Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом». МГУ им. Ломоносова. 5–12 октября, 23 ноября – 7 декабря 2009 / под ред. Л.А. Дунаевой А.Н. Богомолова. – М.: Макс-Пресс, 2010. – С. 588–592 (0,5 п.л.).
97. Васильева Г.М. Слово *Sinn* в языковом сознании И.В. Гёте // Язык и культура. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской / под ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Воротникова. – М.: Изд-во Института иностранных языков, 2010. – С. 492–495 (0,4 п.л.).
98. Васильева Г.М. Лингвориторическая парадигма в «Фаусте» И.В. Гёте // Парадигмы в языке, литературе и науке. VII съезд Российского союза германистов. Тамбов, 19–21 ноября 2009 г. / редкол.: Н.А. Бакши, Н.Н. Трошина (отв. ред.) и др. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – Т. 7. – С. 273–283 (0,6 п.л.).
99. Васильева Г.М. Автопортрет в лицах поэта Александра Ромма // Литература и документ: сб. науч. трудов. / отв. ред. чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. – С. 133–144 (0,5 п.л.).
100. Васильева Г.М. Кухонный натюрморт в структуре трагедии Гёте «Фауст» // Культурно-антропологические исследования. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – Вып. 1 (3). – С. 190–199 (0,6 п.л.).
101. Васильева Г.М. «Внутренняя форма»: Комментарий к русско-немецкому контексту // Документальные аспекты литературы: сб. науч. трудов. / отв. ред.

- чл.-кор. РАН Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – С. 55–65 (0,6 п.л.).
102. Vasileva G. The Motiv «Ex Ungue Leonem» (on the Material of I.W. Goethe's and L.N. Tolstoi's Works) // IV International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. The Epoch of Classical realism 19-Century Cultural and Literary Tendencies / ed. I. Ratiani. – Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2011. – P. 128–137 (0,7 п.л.).
103. Vasil'eva Galina M. Faust de J.W. von Goethe: interprétations et traductions [Goethe's *Faust*: interpretations and translations] // De la linguistique à la traductologie: interpréter-traduire / réd. T. Milliaressi – Lille-Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2011. – P. 227–253 (0,7 п.л.).
104. Васильева Г.М. Опыт Гёте и Шиллера для гуманитарного образования XXI столетия // Гёте и Шиллер: Взгляд из XXI-ого века. – Ереван: YSU Press, 2011. – С. 36–47 (0,6 п.л.).
105. Васильева Г.М. «Фауст» И.В. Гёте в переводе А. Овчинникова как источник реконструкции славянской культуры // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 398–400 (0,3 п.л.).
106. Васильева Г.М. Гётевский мотив «ineffabile» в творчестве В.Я. Брюсова // Брюсовские чтения 2010 года: сб. ст. / ред. колл.: С.Т. Золян, Н.М. Хачатрян и др. – Ереван.: Лингва, 2011. – С. 188–196 (0,7 п.л.).
107. Васильева Г.М. «Внутренняя форма» Гёте и Пушкина: «Сцена из Фауста» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. IV-я Междунар. науч. конф. 9–10 декабря 2011 года. – Чита: ЗабГПУ, 2011. – С. 96–100 (0,3 п.л.).
108. Васильева Г.М. Понятие *ineffabile*: опыт историко-литературного комментария: в 2 т. / VI Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». 22–25 сентября 2011 г. Тезисы докладов / науч. ред. Э.Ф. Володарская. – М.: РАН, 2011. – С. 46 (0,1 п.л.).
109. Васильева Г.М. Первый в русской культуре перевод «Фауста» И.В. Гёте // Русский язык и литература во времени и пространстве. Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ (10–15 мая 2011 г., КНР) / под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Люминя, Е.Е. Юркова. – Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – Т. 4. – С. 51–58 (0,5 п.л.).
110. Васильева Г.М. Родовая мифология А.И. Ромма // Культура и текст: культурный смысл коммуникативной стратегии. Сб. науч. ст. к 70-летию Ежи Фарино, известного польского ученого-слависта / под ред. Г.П. Козубовской. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 139–150 (0,7 п.л.).
111. Васильева Г.М. К истории одного мотива: *vastatio* // Текст: Филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Материалы IV Междунар. науч. конф. (Тольятти, 17–19 ноября 2011 г.): в 2 ч. / отв. за выпуск Б.В. Тюркин, И.А. Измestьева, М.Г. Соколова. – Тольятти: ТГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 3–11 (0,4 п.л.).
112. Васильева Г.М. Средневековая формула мира «Urbi et Orbi» в творчестве Гёте // Contemporary Issues of Literary Criticism. Medieval Literary Processes: Europe, Asia, Georgia. Dedicated to 300th Anniversary from the first printed publication of Shota Rustaveli's Poem «The Knight in the Panther's Skin». – Tbilisi: Shota Rustaveli Insti-

- tute of Georgian Literature; Georgian Comparative Literature Association (GCLA), 2012. – С. 153–163 (0,6 п.л.).
113. Васильева Г.М. Лингвистическая мистерия: к истории одного русского перевода «Фауста» // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: Сб. науч. трудов. / отв. ред. Е.Ю. Куликова. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН. – 2012. – Вып. 10. – С. 22–38 (0,7 п.л.).
114. Васильева Г.М. «Фауст» в славянском паремиологическом пространстве (Гёте и Кюхельбекер) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Междунар. науч. симпозиум. 21–24 марта 2012 г. Труды и материалы / сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов; под общим рук. М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. – С. 163–164 (0,2 п.л.).
115. Васильева Г.М. Сердечная эмблематика в «Фаусте» Гёте // XVIII век: Литература в эпоху бурь и идиллий / под ред. Н.Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2012. – С. 44–52 (0,6 п.л.).
116. Васильева Г.М. Пародии на трагедию Гёте «Фауст» // Найновите научни постижения-2012. – София: «Бял Град-БГ» ООД, 2012. – Т. 20. Филолгични науки. Музика и живот. – С. 15–18 (0,3 п.л.).
117. Васильева Г.М. «Фаустовский человек» в философии А. Шопенгауэра / Материали за VIII международна научна практична конференция «Бъдещето въпроси от света на науката-2012. 17–25 декември, 2012. – Том 29. Философия. – София: «Бял Град-БГ» ООД, 2012. – С. 35–38 (0,3 п.л.).
118. Васильева Г.М. «Фауст» Гёте, прочитанный в журнале «Будильник» // Номо legens / Человек читающий: компаративный подход к проблемам современного образования: сб. ст. / отв. ред. Е.Н. Васильева.– Тюмень: Мандр и К, 2012. – С. 284–292 (0,5 п.л.).
119. Васильева Г.М. Лингвокультурный образ А.Н. Овчинникова, переводчика трагедии «Фауст» // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика; отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 2. – С. 416–422 (0,5 п.л.).
120. Васильева Г.М. «Великий Гёте» и «великий Аверкиев». Диалог с «Фаустом» в журнале «Будильник» // Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий. Культурозидание как теоретическая и прикладная проблема. Материалы II междунар. междисциплинарной науч. конф. / редкол.: Н.Ю. Бартош, Н.А. Пермякова. – Новосибирск: НГУ, 2013. – С. 66–81 (0,5 п.л.).
121. Васильева Г.М. «Пролог на небе» как образ-парадигма трагедии Гёте «Фауст» // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Мальцевой. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – Вып. 5. – С. 210–220 (0,7 п.л.).
122. Васильева Г.М. Интеллектуальное совершеннолетие: к истории образа // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой. Материалы Всероссийской науч. Конф. с междунар. участ. 27–28 ноября 2012 г. / редкол. А.А. Кузьмин, А.Г. Некита. – Великий Новгород: НовГУ, 2013. – С. 92–96 (0,3 п.л.).
123. Васильева Г.М. Диалог Запада и Востока в «фаустовской культуре» // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты: материалы Всероссийской научно-практич. конф. (г. Новосибирск, 27–28 мая 2013 г.: в 2 ч. / под ред. К.Б. Умбрашко. – Новосибирск: НГПУ, 2013 – Ч. 1. – С. 146–155 (0,5 п.л.).

124. Васильева Г.М. «Квартирный вопрос» в романе Булгакова: история предполагаемого контекста // Сюжетология и сюжетография. – Новосибирск: СОРАН, 2013. – № 1. – С. 123–132 (0,6 п.л.).
125. Васильева Г.М. Идея гётерономии в эстетике Московского лингвистического кружка // Проблемы языка и культуры: поликультурализм и мультилингвальность: сб. науч. Ст. по материалам II Всероссийской научно-практич. конф. с междунар. участ. (Кемерово, 10–11 октября 2013 г.). – Кемерово: Офсет, 2013. – С. 229–234 (0,3 п.л.).
126. Васильева Г.М. Новонайденный перевод трагедии Гёте «Фауст» // Культура и текст. – 2013. – № 2 (15). – С. 195–210 (0,7 п.л.).
127. Васильева Г.М. Когнитивная универсальность науки и морфологическая поэтика: Линней, Гёте, Пропп // Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22–24 мая 2014 г. / отв. ред. вып. Е.И. Голованова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун.-та, 2014. – Вып. XVIII. – С. 209–212 (0,3 п.л.).
128. Васильева Г.М. «Фаустовская душа» в философии Шпенглера // Materiály IX mezinárodní vědecko-praktická conference «Moderní vymoženosti vědy–2013». 27 ledna – 05 února 2013 roku. – Díl 49. Filosofie. – Praha: Publishing House «Education and Science», 2013. – С. 16–19 (0,3 п.л.).
129. Васильева Г.М. Фаустовские культурные архетипы в философии Шпенглера // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы III междунар. научно-практич. конфер. 5–6 марта 2013 г. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Soziosféra-CZ», 2013. – С. 30–34 (0,3 п.л.).
130. Васильева Г.М. Диалог Запада и Востока в «фаустовской культуре» // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты: материалы Всероссийской научно-практич. конф. (г. Новосибирск, 27–28 мая 2013 г.): в 2 ч. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 146–155 (0,6 п.л.).
131. Васильева Г.М. «Квартирно-героический эпос» и «квартирный вопрос»: к истории прототекста в романе М.А. Булгакова // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: материалы Междунар. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–28 ноября 2013 г. / ред. кол. М.Л. Ремнёва и др. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 59–62 (0,3 п.л.).
132. Васильева Г.М. Идея гётерономии в эстетике Московского лингвистического кружка // Проблемы языка и культуры: поликультурализм и мультилингвальность: сб. науч. ст. по материалам II Всероссийской научно-практич. конф. с междунар. участием. (Кемерово, 10–11 октября 2013 г.). – Кемерово: Офсет, 2013. – С. 229–234 (0,5 п.л.).
133. Васильева Г.М. Культурно-лингвистический мир Гёте в прозе А.И. Герцена // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (24–25 мая 2013 г.): в 2 ч. / отв. ред. А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова. – Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун.-т., 2013. – Ч. 1. – С. 187–192 (0,5 п.л.).
134. Васильева Г.М. Об архитектурном центре в трагедии И.В. Гёте «Фауст» (Из опыта перевода и комментария) // Актуальные проблемы теории и истории международных отношений: сб. науч. трудов / под ред. Ю.П. Ивонина. – Новосибирск: НГУЭУ, 2013. – С. 80–100 (1 п.л.).

135. Васильева Г.М. Идея «интеллектуального совершеннолетия» в европейской культуре // *Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: Антропологический аспект. Материалы III Междунар. междисциплинарной конф. (10–11 мая 2013 г.) / редкол.: Л.Г. Панин, Н.Ю. Бартош. – Новосибирск: НГУ, 2013. – С. 66–77 (0,6 п.л.).*
136. Васильева Г.М. «Интеллектуальное совершеннолетие»: К истории образа в творчестве Гёте и Герцена // *IV Междунар. симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избр. доклады и тезисы / под общ. ред. И.Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2014. – С. 164–168 (0,4 п.л.).*
137. Васильева Г.М. «Удвоение» в структуре текста: к истории новонайденного перевода трагедии Гёте «Фауст» // *Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. – С. 660–661 (0,2 п.л.).*
138. Васильева Г.М. Опыт перевода трагедии «Фауст» Михаила Семперверо // *Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: пространство диалога (к 100-летию со дня рождения Кирилла Алексеевича Тимофеева). Материалы IV Междунар. междисциплинарной науч. конф. (16–17 мая 2014) / редкол.: Л.Г. Панин и др. – Новосибирск: НГУ, 2014. – С. 231–238 (0,3 п.л.).*
139. Васильева Г.М. Бинарный порядок в языке (на примере неизвестного перевода под монограммой Н.Б.) // *Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова. – Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2014. – С. 162–168 (0,3 п.л.).*
140. Васильева Г.М. Фауст эпохи второй пятилетки, или миф о сотворении мира // *Культура и текст. – 2015. – № 3 (21). – С. 122–141 (1,1 п.л.).*
141. Васильева Г.М. Михаил Семперверо: перевод как *summa eorum* // *Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: сб. науч. трудов X Междунар. научно-методич. интернет-конф. 22–23 апреля 2015 г. / под ред. Н.Н. Гавриленко. – М.: РУДН, 2015. – С. 35–45 (0,7 п.л.).*
142. Васильева Г.М. Идея «международной кооперации»: традиция Гёте в социально-политических трудах Г.Г. Швиттау // *Материалы VIII Конвента РАМИ. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Проблема культурных границ в современном мире. 25–26 апреля 2014 г. МГИМО-Университет / под ред. А.В. Шестопала, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 197–205 (0,6 п.л.).*
143. Васильева Г.М. Начало романа: «Возвращение доктора Фауста» в прозе Э.Л. Миндлина // *Культура и текст. – 2015. – № 2 (20). – С. 6–41 (1,9 п.л.).*
144. Васильева Г.М. «Фаустъ и Маргарита Гёте»: неизвестный перевод под монограммой Н.Б. // *Актуальные проблемы литературы и культуры / гл. ред. Г.Р. Гаспарян. – Ереван: Лингва, 2015. – С. 284–293 (0,6 п.л.).*
145. Васильева Г.М. «Фауст» в Крапивенском уезде: «По ту сторону Тулы» А. Николаева // *Алтайский текст в русской культуре: сб. ст. / под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: АлтГУ, 2015. – Вып. 6. – С. 55–71 (0,5 п.л.).*
146. Васильева Г.М. «Палеонтология языка» в сказке Э.Л. Миндлина «Das kann nicht sein» // *Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира / под ред. И.И. Бабенко, И.В. Попадейкиной, М.А. Галиевой. – Вроцлав: Fundacja Instytut Polsko-Rosyjski, 2015. – С. 267–279 (0,7 п.л.).*

147. Васильева Г.М. Ехал грека через реку: «По ту сторону Тулы» А. Николева. Статья 1 // Сюжетология и сюжетография. – 2015. – № 1. – С. 54–71 (1,5 п. л.).
148. Васильева Г.М. Ехал грека через реку: «По ту сторону Тулы» А. Николева. Статья 2 // Сюжетология и сюжетография. – 2015. – № 2. – С. 5–15 (0,9 п. л.).
149. Васильева Г.М. «Возвращение доктора Фауста» Э.Л. Миндлина: «славянская интерпретация» сюжета // V Международный конгресс «Русская словесность в международном культурном контексте». Избр. Докл. и тезисы: в 2 т. / под общ. ред. И.Л. Волгина. – М.: «Белый ветер», 2015. – Т. 1. – С. 96–102 (0,5 п.л.).
150. Васильева Г.М. «Фауст» в милитарном дискурсе П. Целана // Вторая мировая война в славянских литературах и языках: тезисы докладов междунар. науч. конф. 10–11 ноября 2015 г. – М.: Институт славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 16–18 (0,2 п.л.).
151. Васильева Г.М. К истории одного псевдонима: Семперверо (поэт и переводчик Михаил Четвериков) // Россия – Запад – Восток: взаимодействие культур и литератур: междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.В. Воронченко. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 71–75.
152. Васильева Г.М. «Фауст» в этномузыкальном контексте: «По ту сторону Тулы» А. Николева // Вестник музыкальной науки. – 2016. – № 1 (11). – С. 52–59 (0,5 п.л.).
153. Васильева Г.М. «Советская пастораль» А.Н. Егунова // Славянские языки и культуры в современном мире: труды и материалы. III Междунар. науч. симпозиум, МГУ им. М.В. Ломоносова. 23–26 мая 2016 г. / под общ. рук. М.Л. Ремнёвой. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 378–379 (0,1 п.л.).
154. Васильева Г.М. Текстологическая вариативность: К истории сказки Э.Л. Миндлина «Das kann nicht sein» // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы V Междунар. науч. конф. (МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016) / ред.-сост. А.В. Леденёв, П.Е. Спиваковский. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 163–171 (0,4 п.л.).
155. Васильева Г.М. Филология в музыкальном контексте: Ницше о «Фаусте» // Вестник музыкальной науки. – 2016. – № 4 (14). – С. 102–107. (0,5 п.л.).
156. Васильева Г.М. «Фауст» Гёте и славянофильская идея: к истории трех переводов // Перевод как фактор межнациональной истории культуры. Тезисы и материалы междунар. науч. конф. 19–22 апреля 2016 г. / отв. ред.: И.Н. Смирнова, Ю.А. Созина. – М.: Центр книги Рудомино, 2016. – С. 23–39 (0,7 п.л.).
157. Васильева Г.М. Вторичная циклизация имен: «По ту сторону Тулы» А. Николева // VI Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте» / ред. Е.А. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2016. – С. 317–322 (0,4 п.л.).
158. Васильева Г.М. Логическая основа перевода (Самоописание Мефистофеля) // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник науч. тр. по материалам XI Международной научно-методич. интернет-конф. РУДН (4–8 апреля 2016 г.). – М.: РУДН, 2016. – С. 62–71 (0,4 п.л.).
159. Васильева Г.М. Поэт и переводчик Михаил Семперверо // Язык и культура: сб. статей XXVI Междунар. науч. конф. (27–30 октября 2015 г.) / ред.: С.К. Гураль. – Томск: ТГУ, 2016. – С. 100–104 (0,3 п.л.).
160. «Майорат» культуры: «По ту сторону Тулы» А. Николева // Идеи и идеалы. – 2016. – № 2. – Т. 1. – С. 117–127 (0,8 п.л.).

161. Васильева Г.М. Перевод и смысловая структура: эпитафия к роману «Мастер и Маргарита» // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: V Междунар. науч. заочн. конф. (Тольятти, 6–7 октября 2016 года): сб. материалов / отв. ред. Ю.И. Горбунов. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. – С. 257–263 (0,5 п.л.).
162. Васильева Г.М. «Фауст» Гёте в морфологии Ф. Ницше // Актуальные проблемы литературы и культуры / под ред. Н.М. Хачатрян. – Ереван: Лингва, 2017. – Вып. 8. – С. 41–49 (0,5 п.л.).
163. Васильева Г.М. Концептуально-онтологические смыслы Гёте и семантическое поле культуры // Культурные коды зарубежной литературы: Материалы I Всероссийской научно-практич. конф. с междунар. участием (г. Уфа, 14–15 декабря 2017 г.) / отв. ред. Г.Г. Ишимбаева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 11–20 (0,5 п.л.).
164. Васильева Г.М. Музика і філософія життєствердження: Ніцше про «Фауста» // Музична фактура літературного тексту: інтермедіальні студії / за редакцією С. Маценки. – Львів: Априорі, 2017. – С. 79–84 (0,5 п.л.).
165. Васильева Г.М. Преемник Фауста, искатель абсолюта Фаустроль // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 80-летию профессора Людмилы Ивановны Корниловой; VI Междунар. науч. конф. (Тольятти, 11–12 октября 2018 года): сб. материалов / Ю.И. Горбунов (отв. ред.). – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018. – С. 331–333 (0,2 п.л.).
166. Васильева Г.М. Антропоним «Гёте» и семантическое поле культуры // Актуальные проблемы литературы и культуры / под ред. Н.М. Хачатрян. – Ереван: Лингва, 2018. – Вып. 9. – С. 181–191 (0,6 п.л.).
167. Васильева Г.М. Новообретенный перевод трагедии «Фауст» К.А. Иванова в славянской культурной традиции // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы Междунар. славистической конф. / ред. М.Л. Ремнева. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 58–61 (0,3 п.л.).
168. Васильева Г.М. Морфология как универсальная наука о строении вещества в творчестве И.В. Гёте // Культурные коды мировой литературы: сб. ст. IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2020 г.) / отв. ред. Г.Г. Ишимбаева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 30–38 (0,5 п.л.).
169. Васильева Г.М. Переводы трагедии «Фауст» в контексте научных изысканий И.В. Гёте // Русский язык и культура в зеркале перевода: X Междунар. науч. конф. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – С. 56–65 (0,6 п.л.).
170. Диалог И.В. Гёте и Л.Н. Толстого как теоретико-литературная проблема в романе А. Николева «По ту сторону Тулы» // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Междунар. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова. 17–19 декабря 2020 г. – М.: МАКС Пресс, 2020. – С. 52–55 (0,3 п.л.).